

ЧЕСТЬ

ОТВАГА

К. Шеболдаев

«Мамочка! Я воюю, начиная с июля 1941 года. Видел и пережил все. Отступление, окружение, разбитые города, пылающие села, гибель ни в чем не повинных детей, женщин, стариков...

Я войсковой разведчик, и потому мне положено первому встречать смертельную опасность, с тем чтобы предотвратить ее для идущих сзади...»

РАЗВЕДЧИКИ

МУЖЕСТВО

ЧЕСТЬ • ОТВАГА • МУЖЕСТВО

КИР ШЕБОЛДАЕВ

РАЗВЕДЧИКИ

ПОВЕСТЬ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1978

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта повесть о войсковых разведчиках, продолжение ранее изданной повести «Своя земля». Всем ныне живым героям я чуть изменил фамилии, а погибшим оставил их подлинные, полагая, что это самый верный способ сохранить для людей память о них и увековечить их имена. Так уж получилось, что в новой книге главное место занял Костя Ярцев, находчивый и смелый разведчик.

Впрочем, произошло это не случайно. После выхода повести «Своя земля» мне пришлось много писать. Однополчане-разведчики спрашивали, почему же я в книге о войсковых разведчиках обошел молчанием самого знаменитого среди наших ребят, самого удачливого разведчика Костю Ярцева. И это действительно так. Боевые дела Ярцева были настолько необыкновенными, что о них ходили легенды, они передавались из уст в уста, становились своеобразным фольклором, обрастали элементами вымысла. Последнее обстоятельство и послужило для меня как бы предостережением — писать о войсковых разведчиках только правду, отмечая выдумку. Но, как я теперь понимаю, в этом я ошибся, и товарищи в письмах и, встречаясь со мной, в беседах поправили меня. Костя Ярцев — подлинный герой, подвиги его совершены в нашей роте, люди, с которыми он вое-

вал, мне известны, и характеры их выдумывать не нужно, так что раздумья над известными устными рассказами о Косте Ярцеве понуждали меня восстановить подлинные случаи из его военной биографии, отсеять явную шелуху добавок. Впрочем, и добавки к его реальным подвигам — это лишь юмор, без которого неинтересен рассказ.

Начав писать воспоминания о Косте Ярцеве, я сперва хотел продолжить повесть «Своя земля», но скоро убедился, что у меня получается самостоятельная повесть. Вот ее я и предлагаю читателю.

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

Произошло это так. Из штадива мне позвонил ПНШ* дивизии по разведке капитан Кузнецов.

— В дивизию прибыло пополнение, человек шестьсот. Сходи, нет ли среди прибывших разведчиков, возьмешь себе, — прохрипел он в трубку.

И вот я со старшиной разведроты Данкевичем отправился в тот самый лесок, куда подошли люди пополнения и откуда их будут разбирать представители полков и спецподразделений.

Начальник отдела комплектования дивизии майор Воронцов, увидев меня, сказал:

— Гвардии старший лейтенант Вьюгин, выбирай себе людей первый.

Я вскочил на поваленное дерево, чтобы меня все видели и слышали, и громко крикнул:

— Товарищи, внимание! Есть среди вас разведчики?

— Есть! — В наступившей тишине раздался голос, из толпы вышел человек с погонами старшего сержанта. Подошел к нам, козырнул: — Я разведчик.

* Помощник начальника штаба.

Мы со старшиной придирчиво рассматривали его. Перед нами стоял молодой, подтянутый сержант выше среднего роста, лицо худощавое, зеленые глаза смотрели на нас доброжелательно, и мне даже показалось, с какой-то радостью. На груди у него поблескивали четыре медали: три «За отвагу», четвертая «За оборону Ленинграда».

Нарушив затянувшееся молчание, я спросил его:

— Где воевали, в какой разведке?

— Последнее время, перед ранением, в разведбате фронтовой разведки, а еще раньше — в разведвзводе стрелкового полка.

И вдруг, неожиданно улыбнувшись, он сказал:

— Да вы, гвардии старший лейтенант, должны меня помнить. Моя фамилия Ярцев. Костя Ярцев! Помните?!

Однако я, как ни напрягал память, не мог вспомнить этого Ярцева.

В жизни я знал двух Ярцевых. Один мой товарищ еще по школе. Такой низенький увалень в очках, но он вовсе не Костя, а Миша. А второй — полковник Ярцев, командир стрелкового полка той самой дивизии, в составе которой я прибыл с Дальнего Востока на фронт. Но ни тот ни другой Ярцев ничего общего не имели вот с этим, стоящим передо мной и улыбающимся третьим Ярцевым.

— Нет, я не знаю вас.

— Да как же, товарищ гвардии старший лейтенант! — удивленно воскликнул он. — Ну вспомните декабрь 1942 года, район Малой Тамбовки. Там по вашему приказанию меня, тяжелораненого, вытащили с нейтралки ваши разведчики. Один такой богатырского роста, по фамилии Руссаков, а второй нормального роста — Борин. Их фамилии и вашу я запомнил на всю жизнь. Ведь если бы не вы, то я бы погиб тогда...

И я вспомнил район Малой Тамбовки и тот самый

эпизод, о котором так настойчиво мне напоминал старший сержант Ярцев.

Подобные случаи были нормой нашего поведения на войне, а не исключением, и поэтому их никто не запоминал. Забыл об этом и я, но вот напомнили мне название того района, и тут же передо мной пронеслись, как в кино, картины тех дней.

ЭПИЗОД ВТОРОЙ

Недавно присланный к нам в разведроту младший лейтенант Руссаков с группой разведчиков вот уже второй день вел наблюдение из наших траншей за участком обороны противника, на котором собирался произвести ночной поиск.

Мне же хотелось самому посмотреть на то место и убедиться в правильности его выбора; Руссаков хорошо себя показал в недавно проведенной засаде, которую мы устроили на нейтралке, на месте гибели нашего командира взвода лейтенанта Лысенко, но проверить новичка не мешало... Так вот, мы прошли через огневые позиции наших пушкарей и возле густых кустов орешника спустились в глубокий ход сообщения. По нему вышли в окопы первого полка нашей дивизии и двинулись вправо, в сторону третьего полка, на участке обороны которого и вел наблюдение Руссаков.

Пройдя по окопам километра полтора, на самом стыке участков обороны первого и второго полков, мы наткнулись на группу офицеров, что-то поочередно разглядывавших в бинокль на нейтралке. Среди них стоял капитан Носов, комбат второго полка.

Он обернулся в нашу сторону:

— Здорово, Вьюгин! Чертовщина на нейтралке произошла. Понимаешь, сегодня ночью фрицы вдруг переполошились и начали бить по ней. Светили ракетами,

стреляли из пулеметов, автоматов, минометов часа два сряду! А после стрельбы из-под их проволочных заграждений временами стали доноситься до нас крики. Кричал человек, просил помощи по-русски. Мы подумали, это вас черт занес туда, к немецкой проволоке! Позвонили в штадив, доложили. Оказалось, что сегодня ночью никто из наших разведчиков — ни дивизионных, ни полковых — на нейтралку не лазил. Из штадива позвонили в корпус, а те в армию. Никаких разведгрупп никто никуда не посылал. К утру крики затихли. А сейчас, днем, и вовсе никто не кричит. Видно, хотели немцы подманить нас криком, чтобы нашего «языка» взять. Мы уже целый час поочередно смотрим на то место, откуда доносились крики. Посмотри-ка и ты, вон туда, три пальца левее кустов.

Я поднялся на земляную ступеньку окопа, приставил бинокль к глазам, стал внимательно просматривать немецкие проволочные заграждения, что находились левее показанных Носовым кустов. Там кое-где были перебиты колья, на которые натягивалась колючая проволока, и она местами обвисла, но линия заграждения не порвана.

Ни под проволокой, ни за нею ничего не видно. Я сошел со ступенек и, желая проверить себя, передал бинокль Борину, нашему многоопытному разведчику, начавшему войну с первой минуты нападения фашистской Германии.

Он тоже долго, не отрываясь, смотрел в бинокль.

— Ничего не видно, товарищ гвардии лейтенант.

— Ну, значит, я прав, — вмешался Носов. — Ловили нас ночью фрицы.

Носов со своими офицерами пошел к себе на КП, а я с Бориным двинулся дальше.

Мы осторожно, чтобы не выдать себя немецким наблюдателям, просмотрели участок, выбранный Руссаковым, уже не по карте, а на местности, так сказать, в

натуре. Место было хорошее не только для подхода, но и для отхода поисковой группы.

Понаблюдав за нейтралкой и окопами противника несколько часов, мы решили до сумерек сходить к себе в разведроту пообедать. Нам предстояло еще проследить поведение немцев вечером и ночью, изучить их режим освещения; обычно, как только темнело, они на всем протяжении фронта время от времени запускали осветительные ракеты над нейтральной полосой. Промежутки между каждой ракетой были везде разные. Эти промежутки, да и места, откуда запускались ракеты, требовалось точно знать.

Уже стемнело, когда я с Бориным, а за нами Руссаков со своей группой пошли в роту. Проходя по окопам, мы подошли к тому месту, с которого комбат Носов показывал нам в бинокль немецкие заграждения. Там снова скопились наши солдаты. Я спросил одного — в чем дело. Он показал на нейтралку:

— А вы послушайте!

Я стал прислушиваться... В минуты затишья между буханьем вражеских пушек, именно с того места, на которое мне днем показывал капитан Носов, неслись приглушенные расстоянием крики: «Братцы, ну люди вы или нет? Помогите же! Слышите меня? Ребята, я свой, помогите!» Голос замолкал на некоторое время, будто человек ждал ответа.

Через пять-десять минут крики повторялись. Но вот что было действительно странно: немцы, всегда обстреливавшие любой подозрительный шорох, возникавший на нейтралке, молчали. Не освещали они почему-то участок ракетами, не запускали их чаще, чем обычно.

Мы хорошо понимали, что не мог человек тяжело раненный так долго кричать, звать к себе, где-то хорониться незамеченный на нейтралке. Если были силы для крика, то почему не полз к своим.

Мы постояли, послушали, я скомандовал разведчикам:

— Шагом марш!

Часа через три, уже после обеда, мы возвращались на руссаковский участок и опять на том же самом месте натолкнулись на солдат и офицеров первого батальона. Они стояли и с интересом прислушивались к совсем глухим и, пожалуй, значительно ослабевшим крикам. Теперь неизвестный не только просил, но время от времени перемешивал свою просьбу с бранью.

— Кричит и даже ругается, — сказал мне кто-то.

Нам было некогда, и мы прошли на участок Руссакова. Там пробыли часов до двух ночи. Нам стало понятно наконец, откуда, в какой последовательности и как часто немцы освещали нейтралку.

Возвращались усталые, предвкушая еду и отдых у себя, в разведоте. А на том самом месте, в окопах первого батальона, по-прежнему былолюдно. Среди наблюдавших, а вернее, слушавших ночную нейтралку, был и комбат Носов.

Добрейшая душа, Федя Носов всегда прятал свою душевность за показным недовольным ворчанием. Когда мы подошли, он показал мне рукой в сторону немцев.

— Ругается, дьявол. Я уже второй раз обзвонил всех. Никто никого в тыл к немцам не посылал, а потому никого оттуда не ждем.

Я прислушался. Голос кричавшего едва доносился. Он уже не просил, а ругался и угрожал: «Сволочи! Перестрелять вас всех, подлецов, надо! Из пулеметов! Трусы!..» Дальше следовала отчаянная брань.

Подошли все наши разведчики, остановились и тоже с интересом стали вслушиваться в доносившиеся крики. В ругани чувствовалась злая безысходность.

— Ну чем ему можешь? Немцы молчат, а это верный признак, что подманивают нас, да дураков те-

перь нет! — Сказал, ни к кому не обращаясь, капитан Носов. А из-под немецкой проволоки продолжали доноситься хриплые выкрики: «Стрелять вас всех, гадов, надо!»

И тут Руссаков, слушавший голос, сказал радостно, по-детски:

— Нет! Ты только послушай, как он нас костит? А?! Наш человек! Ползем! Посмотрим?

Но тут вмешался комбат Носов:

— Теперь не сорок первый год, когда наши люди из окружения выходили. Сейчас так просто никто не перейдет через немецкие окопы. Фрицы нарочно придумали нам подсадку!

Комбат был прав, но, несмотря на это, в душе мы все жалели кричавшего там, на нейтралке, человека. Даже совестно было друг перед другом за наше безучастное поведение.

Способ захвата «языка» через «подсаженного» жалобщика придумали не немцы, а мы сами — и давно. Делалось это так. Ночью разведчики вылезали на нейтралку и между кустарником устанавливали заранее приготовленный большой карикатурный портрет Гитлера, нарисованный дивизионными художниками на щите фанеры или на мешковине, натянутой на раму. Увидев на рассвете своего великого фюрера, скажем, без штанов, убегającego из-под Сталинграда, или еще в более позорной позе, немцы не знали, что делать. Стрелять-то по Адольфу Гитлеру, хоть он и в карикатурной позе, немцы не решались. Это было равносильно тому, чтобы стрелять по живому фюреру! И запретить своим солдатам смотреть вперед, туда, где этот портрет выставлен, фашистские офицеры тоже не могли. Вот и стояла эта карикатура целый день, а как только наступала ночь, немцы тут же посылали двух-трех солдат снять карикатуру. А нам они-то и нужны, мы уже давно, с сумерек, поджидаем их в засаде.

Так мы несколько раз брали «языков». Но долго это продолжаться не могло; скоро немцы не стали церемониться с карикатурами фюрера, начали вызывать огонь своих минометов. Минометчики откроют огонь по требованию квадрату и разнесут в щепки карикатуру на Гитлера.

В отместку на наши трюки с карикатурами немцы стали применять свою хитрость. Они подманивали к своим засадам наших сердобольных солдат криками о помощи специально подсаженных для этого людей. И наши «клевали» сначала на фашистские приманки, но, узнав их, тоже перестали попадаться.

Руссаков сдвинул на лоб шапку, почесал затылок и, восхищенно причмокнув языком, сказал мне:

— Нет, все-таки послушай! Так выражаться может только истинно русский человек! Давай, Вьюгин, полезем и вытащим его?!

— Может, еще третьего офицера из роты прикажешь вызвать? Немцы нас и сцапуют, — съязвил я. Хотя меня тоже подмывало узнать, кто же там кричит, даже если его немцы нарочно подсадили. Очень уж убедительно он бранился. Кого фашисты могли подсадить? Нашего запуганного военнопленного! Для того, чтобы не уполз к своим, запросто могли руки и ноги связать или даже перебить. Но военнопленный кричал бы иначе.

— Разрешите нам с младшим лейтенантом Руссаковым слезть посмотреть, — неожиданно обратился ко мне Борин. — Пусть немцы поджидают; возьмем метров сотню правее, подлезем под самую ихнюю проволоку, поползем к нему сбоку. Только вы посветите нам. При вас есть ракетница и две осветительные ракеты. Запустите, когда мы посигналим фонариком. Их засаду мы заметим и повернем обратно. А при благоприятных условиях вытащим крикуна. На всякий случай нитку телефонного провода потянем за собой. Конец провода

можно кинуть крикуну. Сами отползем в сторону или вернемся, а уже тогда потянем его на проволоке.

— Хорошее предложение. Пожалуй, немцев можно и перехитрить, — сказал капитан Носов, слушавший внимательно с ходу придуманный план. — Я могу с миниметчиками договориться, если полезете, чтобы вас поддержали.

— Ну как, лейтенант? — уже с просительными нотками в голосе спросил Руссаков. — Пойдем! Чую, наш там человек, спасти его надо!

Я задумался. Может, и в самом деле попробовать, но разрешить участвовать в этом деле командиру взвода я все же опасался. Но, кроме него и Бороина, никто из разведчиков лезть не вызывался.

— Ладно, лезьте, — сказал я, — только, комбат, дай им саперные ножницы на всякий случай и катушку провода.

Мы отошли по окопу в сторону метров на сто, и Руссаков с Бороиным с нашей помощью тихо вылезли из траншеи. Они мгновенно соскользнули с бруствера; за ними чуть зашуршал привязанный к Бороину телефонный провод. Они отползли, полежали перед нашим заграждением, прислушались. Потом осторожно сдвинули козлы, обтянутые колючей проволокой, вылезли на нейтралку. Там опять полежали, осмотрелись и поползли в сторону немецких окопов.

Вскоре темнота поглотила наших ребят, мы потеряли их из виду и определяли движение разведчиков вперед уже по медленно ускользящему от нас телефонному шнуру.

Минут через сорок из-под немецкой проволоки мигнул зеленый глазок фонарика, направленного в нашу сторону. Как было условлено, мы сразу же выпустили осветительную ракету, стараясь в ее мерцающем свете рассмотреть нейтралку. Но ничего не увидели. А крики и ругань оттуда все еще доносились.

Ракета, медленно падая, погасла. Времени прошло много, не менее часа. Наши уже вылезли на нейтралку, но, видимо, Руссаков и Борин еще не подползли к тому человеку, затаившись где-то вблизи, наблюдали за ним. Иначе бы он перестал кричать.

Стоявший рядом со мною разведчик Гараспашвили толкнул меня, показывая на условное миганье фонариком уже из-под нашей проволоки. Вскоре послышался шорох около отодвинутого заградительного козла, через минуту, потные, запыхавшиеся, как после длительного бега, в окоп ввалились Руссаков и Борин.

— Ну что там, подсадка? — чуть ли не в один голос спросили мы.

— Нет, — вытирая пот со лба шапкой, ответил Руссаков. — Давайте тянуть провод. Мы его привязали к нему.

— А кто он?

— Черт его знает кто! Говорит, войсковой разведчик. Лежал в воронке под самой немецкой проволокой раненный в обе ноги. Сил, видно, у него совсем нет, а немцы, стреляя, перебили козлы, так проволока упала и накрыла его собой, опутала как паутиной. Если бы не проволока, так он пополз бы, подтягиваясь руками. А сейчас продолжает кричать, чтобы фрицев запутать, чтобы не догадались ни о чем.

Мы начали тянуть за нитку телефонного провода, думая, как бы она не оборвалась.

Крики на нейтралке прекратились, но зато хорошо слышался шорох, производимый тем, кого мы тащили по земле. Этот шорох могли услышать и немцы. Мы тянули за провод без остановки, спешили и потому еще больше шумели.

В ночное небо взлетела немецкая осветительная ракета, за ней — другая, они озарили нейтралку. Мы перестали тянуть за провод, увидели, что темный бугорок,

который мы волокли, уже находился на середине нейтралки.

Бугорок казался небольшим, но немцы заметили его. В сторону темного бугорка, который всеми силами старался слиться с землей, неслись разноцветные точки трассирующих пуль. Это немецкий пулеметчик показывал цель своим солдатам. Мы отлично понимали, что немцы сейчас начнут расстреливать нашего солдата. Я обратился к Носову:

— Давай, комбат, свое минометное прикрытие.

Он соединился с минометной батареей и на языке, понятном только им, крикнул:

— Открывайте, ребята, огонь веером по квадрату 62, пусть лучше перелет, чем недолет! Ясно? Быстрее!

Сзади захлопали выстрелы, и через секунду на нейтралке начали оглушительно рваться наши мины. Они закрыли оранжево-красными всплесками разрывов темный бугорок, что лежал на ничейной полосе. Без всякой предосторожности мы потянули за провод, переходя по окопу так, чтобы находиться как раз против отодвинутого в сторону козла нашего заграждения. А немцы тоже вызвали минометный огонь на середину нейтралки, и грохот разрывов, как снежный ком, все увеличивался, нарастал и расширялся.

К минометам подключились пушки — как вражеские, так и наши. Словом, загрохотал весь участок нашего фронта. И тут на бруствере наконец-то показался притянутый нами человек. Он со стоном упал на руки вызванных комбатом Носовым медиков из ППМ*.

Вытащенный человек оказался в пятнистой маскировочной одежде, даже с автоматом на шее, весь в крови. Он был без сознания, вероятно, от большой потери крови; пока мы его тащили по нейтралке, ему перепала немецкая пуля или осколок.

* Так сокращенно назывался пункт первой медицинской помощи.

Медики влили ему чего-то в рот, он, задыхаясь, кашляя, проглотил и сразу пришел в сознание.

— Братцы! — сказал он слабым дрожащим голосом. — Неужели вытащили?

— Вытащили, — ответил ему за всех Носов. — Не видишь разве!

— А ты кто? — спросил я.

— Разведчик, наша группа из разведбата фронта. — И он назвал соседний с нами фронт. — Месяц назад на подлодке мы были заброшены в тыл немцам. Задачу выполнили, а связаться с базой, чтобы выслали за нами подлодку, не смогли: испортился передатчик. Переходили линию фронта по суше, под проволоку сунулись — немцы нас обнаружили, открыли огонь. Меня ранило в обе ноги разрывом мины, да еще проволокой накрыло. Очутился в воронке от снаряда. Попробовал выползть — сил нет. Ноги перебиты, да и из-под проволоки без шума не выбраться... Вижу, что конец мне приходит, стал кричать своим. Немцы крики слышат, а меня не видят.

— Где же остальные из вашей группы?

— Остальные девять с лейтенантом успели уйти в сторону леса. Меня, видно, посчитали убитым.

— Вытащили тебя ребята из разведроты лейтенанта Вьюгина — Руссаков и Борин, — сказал ему Носов. — Вот они — смотри! Им свечку будешь ставить.

Санитары унесли его на носилках по узкому окопу; солдаты сгрудились поглядеть на «крикуна».

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ

Несколько дней Костя Ярцев находился у нас в разведроте, но на задание еще не ходил. Пребывая в роте, он, конечно, не бездельничал: то дежурил по нашему расположению, то ездил со старшиной Данкевичем получать боеприпасы, обмундирование. Но, видимо, та-

кая деятельность его совсем не устраивала. Он явно тяготился своим положением быть на посылках.

В конце концов Ярцев не выдержал и пришел ко мне. Щелкнул каблуками и взметнул руку к виску:

— Гвардии старший лейтенант, разрешите обратиться?

— Слушаю вас, Ярцев.

— Гвардии старший лейтенант, я ведь разведчик, и потому к вам попросился, а меня в задачу не пускаете, все держите в роте... Младший лейтенант Руссаков меня возьмет, да и другие старшие групп тоже. Слово за вами. Очень прошу вас разрешить мне идти в поиск. Не держите меня тут. Истосковался я по делу. Больше года как не воюю!

Я задумался. У нас было заведено в роте новичков «обкатывать», то есть держать до тех пор, пока не узнаем, что из себя человек представляет. Обычно никто из них не возражал, они нас постепенно узнавали, мы знакомили их с традициями, порядками. А тут что-то уж очень быстро Ярцеву захотелось в дело.

Во время нашего разговора к нам подошел Николай Иванович Пятницкий, парторг нашей роты. Ему разведчики уже рассказали о Ярцеве.

— Вот, Николай Иванович, — сказал я. — На днях поступивший к нам старший сержант Ярцев просит не держать его больше в роте, хочет в поиск.

— Он у меня на учет не встал, — ответил Николай Иванович и жестом пригласил его поближе к своему несгораемому ящику.

Надо сказать, что Пятницкий с неделю не был в роте. Он отлучался на какой-то семинар, проводимый политуправлением армии, и я еще не успел потолковать с ним о наших делах.

— Ты член партии? — продолжал Николай Иванович, обращаясь к Ярцеву.

— Да.

— Поставим на учет, а потом обсудим твою просьбу. — Николай Иванович взял у Ярцева билет, учетную карточку и начал делать записи в своей книге.

Дойдя до графы «домашний адрес семьи», он спросил:

— Какой адрес родителей?

— Не знаю...

— У тебя родителей нет?

— Есть, но где они, неизвестно. Родился и вырос я в Иркутске. Отец и мать работали в местном управлении Гидрометслужбы. После окончания семи классов я поступил в лесотехнический техникум. Когда перешел на третий курс, в 1940 году, родителей перевели на работу в только что присоединившуюся к нам Эстонию. На семейном совете мы решили, что я закончу техникум в Иркутске. Отец с матерью уехали в Эстонию, но тут вдруг разразилась война, связь с ними прервалась. Я ушел добровольцем на фронт, писал в Москву, в Главное управление Гидрометслужбы. Мне ответили, что родители до последнего момента находились в Таллине, дальнейшая их судьба неизвестна. Сами знаете, не все тогда смогли попасть на отходившие оттуда пароходы, не все суда, ушедшие из Таллина, дошли до Ленинграда... Я лежал в госпитале, писал в Иркутск. Друзья о моих родителях ничего не знают.

— Ладно, запишем адрес военкомата, — ответил Николай Иванович и, дойдя до вопроса о наградах, вписал туда медали Ярцева и сухо сказал ему: — Воюешь давно, а орденов не заработал...

— Может, и заработал, — возразил Костя, — но не взлюбил меня наш помощник начальника штаба дивизии по разведке майор Рафаилов.

— Ну, ну, не загибай, — возразил Николай Иванович.

— А что?! Ходил я в поиск старшим группы, «языка» приведем, всем ордена, а мне медаль. И знаете,

невзлюбил меня Рафаилов из-за чепухи. Стыдно даже рассказывать. Допек меня своей нелюбовью, так что я в разведбат фронта ушел. Если бы не этот Рафаилов, я бы ни за что свою дивизию не покинул.

Меня заинтересовали его слова, и я спросил:

— За что же вас ПНШ невзлюбил?

— Целая история!

— А вы расскажите ее. — Мы присели подле Николая Ивановича, и Ярцев начал:

— В 1942 году, когда уже фронт стабилизировался, нас начал донимать немецкий аэростат. Понимаете, нигде их не было, и только на участке обороны нашей дивизии появился один вражеский пузырь. Как рассветет, он поднимается у себя в расположении с наблюдателем на борту и так до темноты висит в воздухе. С немецкой точностью его спускали ровно в двенадцать. За час наблюдатель пообедает, а там колбаса снова в небе. С него, с этого аэростата, немецкий наблюдатель корректировал стрельбу своей артиллерии, авиацию вызывал. И все на нашу дивизию. Разговаривал наблюдатель с землей по телефону. Провод нам в бинокль хорошо был виден. Наши зенитки его не берут — далеко для них. Пробовали на него авиацию направлять, но в то время у нас ее было мало. От нас летят два «ястребка», навстречу им немцы посылают сразу пять, а то и десять «мессершмиттов». Отогонят наших, а то, бывало, еще и собьют. Нахальный немецкий аэростат ничего не боится, самолеты в воздух поднимутся и закрутят воздушный бой недалеко от него, а он, подлец, все равно торчит в небе. Пренебрегал опасностью, чувствуя себя безнаказанным. Одним словом, поплевывал сверху. А корректировал с него немецкий наблюдатель огонь здорово. Только заметит у нас какое-либо передвижение, сразу вызывает артогонь. Словом, превратил нас в ночную дивизию. Днем все замирало в нашем расположении, а с темнотой мы могли свободно передви-

гаться. Наш комдив не раз обращался к командованию с просьбой — сбейте, мол, этот чертов аэростат. А ему вроде бы отвечали: «Над вами висит, своими силами и сбивайте».

А как его сбить?! Вот и решили послать в тыл к немцам разведгруппу, чтобы ночью уничтожить на земле эту колбасу.

Снарядили одну группу. Она потеряла нескольких разведчиков при попытке перехода и отошла назад ни с чем.

Через некоторое время послали вторую группу. Она тоже не смогла перейти линию фронта.

Вызвал меня Рафаилов и давай читать мораль насчет того, что разведка «глаза и уши Красной Армии», будто я этого без него не знал... Не люблю разговоров «вообще». По-моему, задачу надо ставить четко, ясно.

Не совсем учтиво я сказал Рафаилову:

— Товарищ майор, я не пойму, что вы от меня хотите?

Не отвечая на мой вопрос, он повел меня к генералу, командиру дивизии. Генерал и говорит мне:

— Ваш командир полка (я тогда в полковой разведке воевал) рекомендовал мне тебя как хорошего разведчика. Подбери себе группу и отправляйтесь в тыл к немцам. Сидите там хоть месяц, но подорвите, сожгите, одним словом, уничтожьте аэростат. Ясно?

Что мне оставалось отвечать?

— Так точно! — говорю. — Ясно!

— К Красному Знамени всех представляю, только уничтожьте!

Ну, действительно, все, что нужно было, нашей разведгруппе выдали. Даже отвлекающая операция была проведена на левом фланге нашей обороны, пока мы на правом переползали линию вражеских окопов. Но как уничтожить этот аэростат? Вокруг него во всех направ-

лениях столько напихано немецких войск, что к нему ближе, как на километр, подползти немисливо.

Покрутились мы так несколько дней в расположении. фрицев и еле-еле выбрались оттуда. Вернулись ни с чем, одним только довольны, что никого не потеряли из нашей группы.

Как водится, я пришел, доложил ПНШ по разведке Рафаилову, а тот отвел меня к генералу. Я и ему доложил, мол, так и так, невозможно ничего сделать.

Генерал рассердился:

— Три дня на отдых, а потом пойдете снова. Если перейти линию фронта смогли, то сумеете и задачу выполнить. Думайте, как его, сукиного сына, уничтожить и чем! Запомните: не выполните задачу, снова пойдете и ходить будете, пока не выполните...

Тут все задумались, потому что, сами знаете, не та это прогулка, на которую хочется идти. Спорили, думали, гадали, опять спорили и, наконец, порешили так. Взять с собой снайпера. Был у нас разведчик, в прошлом снайпер. Поручили ему зажигательным патроном поджечь аэростат в воздухе. А чтобы его выстрела было не слышно, наши «ястребки» с «мессершмиттами» в условленное время должны завязать воздушный бой. Вот под их шум, пальбу наш снайпер и будет стрелять. План выполнения задачи Рафаилов нам утвердил, и мы двинулись.

Перейти линию фронта сразу не удалось. Перешли ее с большим трудом с третьей попытки. Когда же по последнему заходу подползли к немецкой проволоке, то двух разведчиков потеряли. Разрывом мины убило их. Причем убило-то как раз самого нужного нам — снайпера. А возвращаться обратно уже никак нельзя, и мы пошли за линию фронта без снайпера.

Дальше все шло хорошо, как условились. Пробыли мы три дня в тылу у немцев, подбираясь все ближе и ближе к аэростату.

В назначенный день и час два наших истребителя затеяли с «мессершмиттами» карусель со стрельбой. Под треск пулеметных очередей ведущих бой самолетов я сделал по аэростату пять выстрелов из снайперской винтовки зажигательными патронами. Пришлось мне самому стрелять, потому что другие разведчики никогда снайперскую винтовку с оптическим прицелом и в руках не держали.

Не знаю, может быть, для снайпера это плевое дело, а вот я в аэростат даже не попал. Такая обида, промазал... Не сумел, а может, волновался излишне, сам не знаю почему, но не попал! Впрочем, скоро кое-что выяснилось.

В колбасу я действительно не попал, а угодил в трос, пуля подрезала его. Во всяком случае, через несколько минут после последнего выстрела, когда подул ветерок, трос лопнул.

Некоторое время аэростат еще продержался на телефонном проводе. Потом провод натянулся, не выдержав напряжения, тоже оборвался. А ветерок был как раз в сторону наших войск. Вот аэростат и начало сноситься к нашим. Немецкий наблюдатель, видно, понял, в чем дело, испугался и начал выпускать газ из аэростата, чтобы поскорее спуститься и сесть на своей территории. Мы увидели, как аэростат начал резко снижаться.

Но чем ближе к земле, тем сильнее, оказывается, дул ветер. Поэтому если там, высоко, его очень медленно относило в сторону наших, то после снижения он просто помчался к линии фронта и скоро скрылся из наших глаз... Ну а об остальном нам уже потом, после возвращения, рассказали в роте.

Перелетел аэростат через нейтралку и пошел в сторону тылов нашей дивизии, все больше и больше снижаясь. Когда он подлетел к расположению нашего шта-

дива, то находился уже не выше 15—20 метров от земли.

Майор Рафаилов позвал весь штаб дивизии из блиндажей и землянок посмотреть, как этот ненавистный аэростат шлепнется на нашей территории. Не без хвастовства, конечно. Мол, знай наших! Все стоят, смотрят, как он, миленький, летит, все время снижаясь... Головы задрали, смеются. А генерал скомандовал: послать разведчиков, комендантскую роту и саперный батальон, чтобы пленить немецкого наблюдателя. Особенно весело было в той стороне, где стоял окруженный со всех сторон девчонками — машинистками и шифровальщицами штаба — Рафаилов.

Вот тут-то что-то приключилось с немецким наблюдателем. То ли на него напала с перепугу медвежья болезнь, то ли чем-то накормили его плохим перед вылетом, только произошло у него расстройство желудка. Увидели все, как он неожиданно начал снимать штаны. Через корзину хорошо было видно, как он высунул между поручнями голый зад.

В это время аэростат как раз над тем местом очутился, на котором стоял Рафаилов, окруженный девчонками. А немец, значит, начал поливать всех сверху, как после хорошей порции касторки.

Словом, пока Рафаилов сообразил, что происходит, немец его обмарал да ветерок ему еще помог.

Все штабисты и генерал тоже смеются над ним, а Рафаилову не до смеха, конечно. Он страшно разъярился. Шутка ли, такое безобразие при генерале и всем штадиве?!

Ну а колбаса, вернее оболочка, повисла на деревьях опустошенная, без газа. Немца же без всякого с его стороны сопротивления, со спущенными штанами наши солдаты пленили. Когда ночью перешли мы линию фронта, то я как старший пошел докладывать о выполнении задания Рафаилову. Пришел, доложил, и все

шло вроде бы нормально, пока я не поздравил его с пленением немецкого наблюдателя. О том, что он взят в плен, я узнал еще на передовой, но без всяких подробностей. И вдруг Рафаилов разгневался на меня. Он подумал, что, поздравляя его, я умышленно намекаю на его конфуз. Выгнал он меня из блиндажа. Всем моим ребятам за аэростат дали по ордену Красной Звезды, а мне по настоянию Рафаилова «Отвагу». С тех пор Рафаилов терпеть меня не мог! Будто при всем честном народе не немец, а я его опозорил. Генерал наш ушел на повышение, прислали командовать дивизией полковника. Тот никого еще не знал и целиком доверялся тем характеристикам, которые давал разведчикам Рафаилов. Во всяком случае, что бы я ни делал, как бы ни отличился, Рафаилов всегда спрашивал:

— Это что, тот самый Ярцев-аэростатчик?

— Так точно! — отвечали ему, и он тут же вместо представления меня, скажем, к ордену Красной Звезды или Отечественной войны, писал в наградном листе: «Наградить медалью «За отвагу», а то и вовсе: «Воздержаться. Не достоин награждения...»

Выслушав рассказ Ярцева, мы от души посмеялись.

Переглянувшись с Николаем Ивановичем, я ответил Ярцеву:

— Если вас кто-нибудь возьмет из старших групп в поиск, я возражать не буду...

Так начал Костя ходить на задание в нашей разведроте.

ЭПИЗОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Вызвал меня генерал — наш комдив и приказал:

— Нужен «язык», и как можно скорее.

Противник замышлял что-то у нас на правом фланге. Там по ночам непрерывно гудели моторы. Тракторные или танковые — неизвестно. Наши наблюдатели про-

смаatrивали движение светящихся огоньков, слышали различные необъяснимые шумы. Немцы что-то готовят, но вот что?!

— Давай, Вьюгин, «языка»!

А тут, как на грех, никто из старших групп еще не успел себе подготовить по-настоящему место поиска. Так получилось, что у одного поиск не удался, их обнаружили и обстреляли, и теперь все надо было начинать сначала. У другого и третьего только-только начали вести наблюдение за участком, на котором предполагали действовать. Кого ни возьми из старших групп, никто в ту ночь не был готов к поиску. Словом, согласился рискнуть только один Ярцев. Но и у него не все было ладно. Четверо из семи разведчиков той группы, которую он себе создал, болели. Чихали, кашляли, из-за чего в поиск идти никак не могли. Пришлось Ярцеву взять вместо них с собой Штепу, Гараспашвили, Козырева, Пантелеймонова — самых опытных разведчиков из других групп, согласившихся пойти с ним в ту ночь.

Распределили обязанности и определили, кто входил в группу захвата, кто в группу обеспечения, а кто в огневую. Кто за кем следит и оберегает.

Проверили оружие и вслед за Ярцевым цепочкой вышли из расположения роты к передовой. К той самой линии, которая не знала покоя ни днем ни ночью. На ней стояли насмерть наши полки, дивизии, армия, сдерживая натиск немецко-фашистских войск.

Пришли на передовую и из окопов просмотрели внимательно участок, на котором предполагали действовать. Затем посидели, покурили. Подождали, пока темнота станет густой как вакса и, дождавшись сравнительного затишья, осторожно вылезли на нейтралку. Немцы в эту ночь редко и лениво запускали осветительные ракеты. Это обстоятельство позволило Ярцеву со своей группой потратить не 45 минут или час, как они

заранее рассчитали, на свое движение по нейтралке, а меньше, доползли до немецкой проволоки за тридцать минут. Полежали около нее. Понаблюдали, прослушали все звуки. Тут у немцев не было мин, заграждение составляла лишь одна растянутая спираль «Бруно».

Во вражеских окопах стояла тишина. Убедившись, что они не замечены и вокруг все спокойно, разведчики раздвинули витки спирали и проскользнули за проволоку.

Опять полежали... Отметили кусочком бинта место своего лаза в проволоке. Прислушались. Все спокойно в окопах. Снова медленно и совершенно бесшумно поползли вперед. И тут Ярцев неожиданно в темноте уткнулся лбом в тонкую проволочку. Он мгновенно застыл на месте и почувствовал, как на лбу выступила испарина. Резко толкнул ногой ползшего за ним впри-тык Штепу, приказывая этим условным сигналом не просто остановиться, а замереть. Сам же подумал:

«Ах, вот оно в чем дело!» Немцы оставались верны себе в своем коварстве. Мин перед проволокой, там, где их ждешь и готовишься к встрече с ними, — нет. А вот здесь, уже за проволокой, почти перед самым своим бруствером, где их совсем не ждешь и где, казалось, и быть им незачем, они поставлены.

Мысли пронеслись в уме у Ярцева в одно мгновение. Он осторожно провел по проволочке вправо, но его руки не хватило достать до самой мины. То же произошло, когда он провел по проволоке влево.

Значит, мины поставлены далеко одна от другой и рассчитаны на то, что если полезут русские, то где-нибудь обязательно наткнутся на проволочку, потянут ее, мина натяжного действия взорвется. Возможно, поставлены они для звукового предупреждения.

«Ну, ничего, — злорадно подумал Ярцев, — сейчас мы вашу проволочку того...» Чуть подтянул ногу, вытащил из-за голенища обыкновенные небольшие ножницы.

Секунда, другая, и проволочка по обеим сторонам от него безжизненно упала в траву. Дважды толкнул ногой Штепу, что означало «вперед», и вся цепочка снова бесшумно заскользила по земле. И вот уже черный провал окопа.

Вдали продолжают деловито урчать моторы не то танков, не то тракторов. Под их урчание разведчики ужами проскользнули через вражеский окоп. «Языка» легче взять с тыла. Сзади никто никогда не ждет нападения, там «свои». Сейчас Ярцев с разведчиками покажет им, какие в тылу бывают «свои».

Перебравшись через окоп, разведчики пролезли еще немного, до небольших кустов и там замерли. Осмотревшись, решил Ярцев поползти с Козыревым вперед и выяснить, что же все-таки урчит там. Вначале они ползли, потом, осмелев, поднялись и, тихо крадучись, пошли, предварительно заметив на фоне неба то дерево, подле которого в кустах остались ждать их остальные ребята. Они шли, перебежали, подкрадывались. Тут им помогла вражеская ракета. Взлетев над передовой, она осветила не только нейтралку, но немного и немецкий тыл. И они наконец увидели, что урчали моторы вовсе не танков, а тягачей на гусеничном ходу. Возле них сутились немецкие солдаты, разгружая с прицепов ящики с боеприпасами. Но ракета погасла, и все погрузилось снова во тьму.

Дождавшись очередной ракеты, Ярцев и Козырев внимательно всматривались, что же происходило на дороге. Там была огромная воронка. Вероятно, от нашей пятисотки. Машины из-за воронки не могли проехать, а по обеим сторонам шоссе болотистые места. Поэтому вместо автомашин боеприпасы подвозили гусеничные тягачи с прицепами. Они свободно обходили воронку стороной, по болоту. Их моторы нутужно ревели.

Установив истинную причину шума вражеских моторов, Ярцев и Козырев поползли обратно. В кустах Ште-

па рассказал Ярцеву, что они следили за немецкими окопами и установили: шагах в сорока отсюда находятся два немца с ручным пулеметом. Один из пулеметчиков ушел по ходу сообщения и пока еще не вернулся. Вражеский пулемет установлен как раз напротив разрезанной Ярцевым проволоки от мины натяжного действия. Поэтому и отходить отсюда будет безопаснее и удобнее. Если брать «языка», то надо брать оставшегося одного немца-пулеметчика, да поскорее, пока не вернулся его напарник.

Группа подползла поближе к окопу.

Пулеметчик находился в одиночестве. Но не стоял у пулемета, как того хотелось нашим разведчикам, а непрерывно ходил то вправо, то влево.

Наши расположились поудобнее, стали выжидать, когда солдат подойдет к пулеметной ячейке, чтобы швырнуть ему под ноги ложную* гранату и после ее взрыва броситься на него. Конечно, лучше бы немца оглушить ударом по голове и, пока он не очухался, рывком вытащить из окопа. Но на голове у него каска.

Только-только наши удобно расположились, как по всей линии вражеских траншей и ходов сообщения слышались громкие команды, какие-то веселые выкрики, шум, топот, беготня. Казалось, будто бы немцы крепко спали, а тут их сразу разбудили радостным сообщением.

К пулеметчику, на которого они готовились напасть, из хода сообщения выбежали шесть немецких солдат с автоматами и винтовками в руках. Они что-то радостно, наперебой говорили ему. Поведение немцев не позволяло нашим разведчикам броситься на пулеметчика,

* Мы называли «ложной» обычную ручную гранату, в которой специально уменьшался разрывной заряд, вынималась металлическая лента, дающая осколки. Взрываясь, она пугала, оглушала, могла легко ранить, но не убивала.

вернее, уйти потом незамеченными с «языком». Оставалось отползти поскорее и переждать непонятно чем вызванное оживление. Но отходить приходилось не в сторону своих, потому что незаметно переползти вражеские окопы теперь, когда они забиты солдатами, уже было нельзя. Надо, наоборот, отползти назад, в глубь обороны противника. И они поползли в те кусты, из которых только что вышли. Добрались до этих кустов и огляделись: в стороне — еще более густой и высокий кустарник. Укрыться надо было получше. Кто их знает, сколько фрицы будут веселиться.

Они лежали, прислушиваясь к шуму в окопах и убеждались, что движение и шум там не уменьшаются. Ярцев пошептался с разведчиками по поводу поведения немцев, но никто из них не мог понять, в чем тут дело. Может, фашисты готовятся к атаке. Однако это отпало, вряд ли предвкушение атаки кого-либо веселило бы. И тут Козырев вдруг прошептал: «Слушай, а может быть, они готовятся к смене?» Как происходит смена немецких частей, никто из разведчиков, конечно, раньше не видел.

В кустах, на дне какой-то ямы или кювета, можно было ждать. Но шум в окопах не стихал. Прошел, должно быть, час. Взошла луна, и теперь было ясно, что никакого поиска при ее свете не получится, никакого «языка» не взять. Ярцев думал уже о том, как бы вывести без потерь свою группу с тыльной стороны немецких окопов хотя бы на нейтралку. Там наши минометчики заслонили бы их огнем и помогли бы отойти к своим. Но как это сделать? Другие разведчики вертели головами, до рези в глазах всматриваясь вокруг. Ничего уяснить не могли. В сравнительной тишине, наступившей после ухода в тыл тракторов-тягачей, они услышали доносившийся издали топот. Снова вслушались, вглядывались в сторону этого топота и через некоторое время увидели, как вдали по белеющему шос-

се двигалась темная шаркающая лента. По дороге в их сторону шла колонна немецких войск. Ярцев почесал затылок: «Ну, братцы, кажется, мы влипли... Ни тебе назад, ни тебе вперед!» Что делать? Ведь шоссе под прямым углом подходило к окопам и обрывалось невдалеке, перерезанное ими. А колонна между тем приближалась.

Наши разведчики оказались между идущей колонной и вражескими окопами. Естественно, что как ожидавшие смены, так и идущие им на смену немцы смотрели в стороны друг на друга. Ярцеву со своей группой нужно было таиться. Но Ярцев лихорадочно искал план выхода отсюда; четверых разведчиков он заставил наблюдать за идущей колонной, а троих — за окопами.

Когда от Ярцева до колонны оставалось каких-нибудь сотня метров, а до окопов сотни полторы, из кустов вдруг застрочили автоматы. Наши разведчики стреляли одновременно как по идущей колонне, так и по тем белеющим лицам, что смотрели из окопов на подходившую смену. Длинные автоматные очереди расползли ночь.

Послышались крики, стоны, команды из окопов и особенно с дороги. Еще и еще полоснули свинцом автоматы и под шум, поднявшийся у тех и у других немцев, Ярцев со своими разведчиками, полусогнувшись, метнулся к тем кустам, что находились значительно в стороне. Этим броском он вывел свою группу с места, которое оказалось между двумя немецкими подразделениями.

Вызвав неразбериху среди немцев, Ярцев хотел незаметно отойти в сторону. Это ему удалось. Но он не предполагал, как могут развернуться события дальше.

Когда в немецкой колонне совершенно неожиданно упали раненые и убитые солдаты, то немцы поняли, что звук и вспышки выстрелов, сразивших их, исходили

оттуда, со стороны своих же окопов. Офицеры в колонне предположили, что окопы каким-то внезапным образом захвачены русскими. В окопах, видимо, раненых было мало, а вот в идущей колонне были и убитые и раненые.

В окопах недоумевали, в чем дело, но ничего не предпринимали и потому некоторые подразделения продолжали выходить по ходам сообщения из окопов наверх и там строиться; в траншеях оставались унтер-офицеры, пулеметчики и офицеры. А в колонне слышались команды, она мгновенно рассыпалась, залегла вдоль дороги и открыла «ответный» огонь из автоматов, винтовок и пулеметов по успевшим выйти из окопов и хорошо видимым солдатам. Почти все эти маячившие немецкие солдаты были подсечены и упали раненые и убитые.

Вот тут-то и началось!..

В окопах не стали раздумывать, кто в них стреляет, там отлично знали, стрелять по ним могут только враги, и открыли по залегшим немцам ответный огонь. Не довольствуясь этим, офицеры из окопов вызвали по этому квадрату еще и минометный огонь с закрытых позиций.

Под грохот боя немцев Ярцев ползком увел свою группу еще дальше, в сторону, в заболоченный лозняк. Там она залегла и наблюдала за происходящим. Бой между немцами все разгорался: уже, кроме минометов, по участку дороги, где залегла смена, стали бить и пушки... Так продолжалось минут десять, пока не вмешалось начальство и не прекратило «самоубийство».

Как выяснилось потом, в этом бою немцы, которые находились в окопах, потеряли два десятка солдат, в основном тех, что успели выйти из окопов. А вот батальон, шедший им на смену, был разгромлен и после этого боя никого уже заменить не мог.

Тогда Ярцев и его разведчики еще этого не знали,

но они поняли, что заварили хорошую кашу. Однако, несмотря на «сабантуй», они не могли прорваться к нейтралке.

Междоусобная стрельба прекратилась. Понаехали санитарные машины, легковые, бронетранспортеры с начальством. А уже начало светать, и разведчикам было безумием оставаться дальше в лозняке, который днем просматривался насквозь.

И Ярцев решился еще на один психологический, как он говорил, момент. Рассвело не полностью, и, воспользовавшись полутемнотой, он поднял свою группу, построил ее в колонну по два, как всегда ходили немцы, и на виду у копошившегося вдали противника повел ее сначала на запад, потом в безлюдном месте пересек дорогу и вошел в лес.

Самым трудным было идти во весь рост, не сгибаться, не оглядываться. Уже по лесу он дошел до известного ему разрыва между немецкими окопами. Там они заползли в болото с густым кустарником. Нашли сравнительно сухое место, на котором и провели весь день. Когда же наступила вторая ночь и темнота укрыла все вокруг, они осторожно выбрались из болота. По пути к нейтралке, как говорил Ярцев, они без всякого труда взяли шедшего с донесением немецкого связного. С этим «языком» благополучно, без потерь вернулись в расположение наших войск.

У доставленного ими связного был обнаружен приказ по 112-й немецкой гренадерской дивизии, в котором говорилось о Ярцевской проделке так: «...в результате неосторожного выстрела, теперь уже трудно установить с чьей стороны, и происшедшей из-за этого роковой ошибки, вылившейся в настоящий бой между подходившим на смену 3-м батальоном и сменяемым 1-м батальоном полка, погибло у последнего 7 человек и ранено 10, у первого убито 86 и ранено 228 человек...» Кроме того, связной на допросе рассказал, что бой остановил

командир дивизии, а то бы они совсем уничтожили третий батальон.

Судя по приказу и показаниям «языка», немцы так и не догадались о том, кто же был настоящим виновником «роковой ошибки».

ЭПИЗОД ПЯТЫЙ

Меня всегда интересовало, как же, при каких обстоятельствах человек попал в разведку. Поэтому я старался при благоприятных условиях, располагающих к откровенности, спрашивать об этом у прибывающих к нам разведчиков.

Как-то ночью, когда над нами мерцали холодные звезды и мы сидели возле неугасающего ротного костра в ожидании возвращения с задания поисковой группы, я задал вопрос Косте:

— Слушай, Ярцев, а как ты попал в разведку?

Он подумал немного, затянулся папиросным дымом и, выпустив его тонкой струйкой, ответил:

— Было это в первую военную осень на Волховском фронте.

Немцев, рвавшихся к Ленинграду, мы остановили, но все же они то тут, то там пытались переходить в наступление. Прощупывали нас, чтобы определить слабое место в нашей обороне. Они готовились к прорыву и генеральному штурму Ленинграда. Разведка немцев — авиационная, артиллерийская и войсковая — не давала нам покоя. Особенно досаждала нашей дивизии ночными поисками войсковая разведка врага. За месяц фашисты взяли у нас семь «языков»!

Постепенно выяснилось, что действовала-то одна и та же немецкая разведгруппа. Поиск ведется ночью, в темноте. Стреляют те, у кого берут «языка», и те, кто берет. При свете от вспышек выстрелов очень даже

хорошо все можно вблизи увидеть. Группа у немцев была настолько умелая и хитрая, что за все то время даже ни одного своего разведчика не потеряла, убитых и раненых не оставляла, а наших «языков» брала.

Наш комдив собрал офицерский состав дивизии и поставил такую задачу перед командирами: «Не дать впредь возможности безнаказанно действовать вражеской разведке в полосе нашей обороны, постараться захватить этих разведчиков как «языков». В крайнем случае — уничтожить эту разведгруппу».

Мы много сделали, чтобы не дать немцам скрытно подобраться по нейтралке к нашей обороне. И все-таки немецкая разведка, словно насмехаясь над нашими мерами, бесшумно подкралась и снова взяла у нас, почти подряд, двух «языков»: одного связиста и одного офицера — командира батареи.

Провели тщательное расследование, установили, что поиск совершила все та же группа вражеских разведчиков. Участники той группы были без головных уборов, несмотря на постоянные холодные дожди и даже заморозки. Наша осень для фрицев холоднее, чем их зима. А тут наперекор холодам вся группа без шапок?! Кроме этого, успели заметить, что командовал во всех поисках один и тот же офицер: высокий, с большой лысиной, отдававший команду низким, басовитым голосом.

Ушла немецкая разведгруппа, будто сквозь землю провалилась. Наши открывали шквальный огонь по нейтралке, но никого там не оказалось.

Пришел наш взводный от батальонного начальства и стал говорить сержантам и солдатам с укором, мол, как же это так получилось, что упустили вражеских разведчиков, да еще с нашим «языком»?!

А мой дружок, сибиряк, в прошлом охотник-профессионал, Стрельников и ответил ему: «Чем себя казнить,

лучше бы посмотреть место подле батареи, где были фрицы. Не может того быть, чтобы они на влажной земле следов не оставили. Может быть, пришли они не через боевые порядки нашей роты, а, скажем, соседней».

Рассвело. Взводный отправил меня со Стрельниковым на то место у батареи, на котором прошлой ночью взяли комбата. Ходили мы, смотрели, изучали землю, отыскивая отпечатки немецких сапог. Они ведь, знаете, носят сапоги отличные от наших. У фрицев каблуки повыше, и на них обязательно подковки набиты. На подошве гвозди металлические, ну вроде как шипы. Так что сразу можно отличить их следы от наших.

Ходили мы, шарили взглядом по множеству отпечатков подошв и каблуков на влажной осенней земле, но все попусту. Что, думаем, за чертовщина! Просто сами себе не поверили, были же тут фрицы!

Решили еще раз все проверить. Снова стали внимательно смотреть на следы. Только отпечатки наших сапог!

Вдруг заметили: среди всех следов один отпечаток с ракушкой, прибитой на одном, правом носке подошвы. Посмотрели мы на обувь батарейцев, но у них ни у кого сапога с подбитой ракушкой не обнаружили... Стрельников говорит мне:

— Пойдем по этому следу! Чей он и куда нас приведет?

Покрутились мы, покрутились подле батареи и пошли. Только он нас ни к передовой, куда ушли немецкие разведчики, повел, а, наоборот, в наш тыл. Что ж, пошли мы в тыл. Скорее всего просто так, для очистки совести.

А след повел нас по сильно заболоченному перелеску, свободному по этой причине от наших войск, и уперся прямо в озеро.

Ну что делать?

Вернулись и рассказали все взводному. Он отнесся к нашему сообщению без всякого интереса, но сразу же доложил ротному, а тот — батальонному командиру.

Комбат распорядился дать мне еще двух солдат, и чтобы мы вчетвером на всякий случай осмотрели хо-рошенько вокруг озера.

Озеро-то довольно большое. Мы пошли берегом. В одном месте, на песчаном берегу, заметили свежие следы сапог, а среди них тот самый — с ракушкой. След повел нас по давно не езженной, заброшенной дороге. Шли мы, шли по ней, иногда теряя след с ракушкой, возвращались назад и, найдя его, снова двигались дальше. Наконец, дорога, покрутившись по лесу, дошла до небольшого луга и на нем оборвалась, а с ней кончились и следы.

А что, если перейти через луг и выйти в лес? Может, снова на какую-либо дорогу выйдем, а на ней опять след найдем?

Со мной согласились.

Разомкнулись в цепь. Прошли так по лесу с полчаса и выбрались на поляну, а на ней — дом стоит. Лес вокруг заболоченный, а поляна сухая, и, может, потому тот дом на самой середине поляны стоял. След с ракушкой, между прочим, опять появился и прямо по тропинке к дверям этой лесной избушки повел.

К избушке мы не пошли, а, таясь, обогнули ее лесом, чтобы посмотреть, не идут ли следы через полянку, на которой стоял домик, снова в лес.

Нет, не выходят. Значит, думаем, следы обрываются у двери избушки. Посоветовались между собой, выходить из лесу на поляну не стали, а забрались в кусты, начали наблюдать за избушкой.

Все окна, кроме крайнего, чем-то завешены, но дверь, видим, закрыта. Из трубы дым не идет. Стекла в окнах целые, не побитые. Кто-то в ней должен жить. Но никто из избы не выходит.

Уже хотели выйти из кустов, подойти к избушке, осмотреть ее, как вдруг увидели в глубине того окошка, которое не занавешено, вспыхнул огонек и тут же погас. Вроде бы от спички или зажигалки. Кто-то есть!

Наблюдать нам больше уже нельзя, времени прошло много. К тому же нас только четверо, а кто его знает, сколько в избушке людей!

Со всеми предосторожностями мы повернулись и ушли к себе. На обратном пути дорогу незаметно отмечали то сломанной веткой, то пучком желтой травы на кусте, чтобы потом, если будет нужно, не плутать. Вернувшись, доложили взводному. Тот сообщил выше, и так дошло до комдива. Он заинтересовался нашим сообщением, приказал выделить мне людей.

Я отобрал четырнадцать человек, вооружили их всех автоматами. Тогда мало у нас их было, собрали автоматы чуть ли не со всего батальона. Взяли гранаты. И пошли засветло к избушке. Скрытно залегли и стали наблюдать за ней. Дождались темноты и тихо, без малейшего шума, подползли к домику с той стороны, где не было окон. Подобрались к двери. Осторожно направили на нее, но дверь не открылась. Судя по всему, она была заперта изнутри.

Стали прислушиваться, и нам почудились какая-то возня и шорохи в избушке. Терпеливо стояли по обоим сторонам двери, ждали и слушали... Ждали около часа, а может, и больше. Ноги прямо-таки затекли от неподвижности. Я уже подумывал отойти в лес, как неожиданно раздались шаги. Кто-то тихо, крадучись, изнутри приблизился к двери. Постоял, вроде прислушиваясь, осторожно отодвинул засов. Открылась дверь, и на пороге показалась фигура человека. Он осмотрелся, пошел к куче хвороста, лежащей около дома. Я растерялся: смотрю и ничего не предпринимаю.

Человек набрал охапку хвороста, направился обратно к дому. Тут хворост, видимо, закрыл ему обзор, а,

может быть, осенняя темнота помогла, шел он прямо на нас. Я же нервничаю и думаю, что предпринять?! Может, это наш солдат или гражданский человек, а мы на него нападём! Но почему он таится? Подозрение решило все. Он подошел к самой двери, я его стукнул по голове. Да так сильно, что он без звука рухнул на землю. Мы ведь тогда еще не знали, как бить и куда бить, не умели соразмерить силу удара. Тихо оттащили его к глухой стене дома, где не было окон, и фонариком осветили. Смотрим: а вроде фриц. Хотя он в нашей форме, но на поясе у него, спереди, в кобуре пистолет «вальтер», а с боку финка, немецкая, со свастики на черенке. Вошли в открытую дверь и на цыпочках стали проходить в сени. Когда нас вошло восемь человек, я из сени осторожно открыл дверь в горницу и фонариком осветил ее.

На полу, на сене, покрытом плащ-палатками, спят семеро фрицев. А их старший, тот самый лысый офицер — он чуть в сторонке лежал, — приподнялся и спрашивает по-немецки: «Гюнтер, это ты?» В ответ я как гаркнул:

— Встать! Хэнде хох! — Один попытался выстрелить из пистолета, но не успел. Мы его прошли автоматной очередью. Остальные не сопротивлялись.

Что же оказалось, когда привели их в штадив?

Фронт установился, немцы уже не могли свободно заходить к нам в тыл, как они это делали во время наступления. А им надо было вести разведку, знать наши силы, намерения, расположение. Вот фрицы и придумали. Подобрали группу из очень опытных разведчиков, некоторые знали русский язык. Офицер их хорошо владел русским. Их отлично снарядили, посадили на самолет и ночью сбросили на парашютах в нашем тылу. Немецкие разведчики с тыла подошли к нашему переднему краю. Они знали, что за озером, на большом заболоченном участке, нет наших войск. В лесу они наткнулись

на избушку лесника, не обозначенную на их картах. Старика лесника и его жену убили, а сами обосновались в доме. Фашистское командование давало им задания по радио. Выполняли они их так. Поскольку из одежды на них ничего немецкого не было, за исключением пилюток, то они, когда шли на выполнение задачи, снимали пилютки. А наши советские сапоги не оставляли таких следов, как немецкие.

Обычно они выходили на дорогу у нас в тылу, оставляли приглянувшегося солдата или офицера. Представлялись нашими особистами и приводили в лесную избушку. Там допрашивали. Ну люди, думая, что это наши, выкладывали много, что знали. После этого нашего солдата уводили к дороге, откуда его взяли, там убивали.

Потом немецкое командование потребовало от группы брать наших людей с передовой. Они брали наших солдат и даже офицеров под видом поиска, разыгрывая все так, будто совершали его с нейтралки. Уходили с «языком» не в сторону своих окопов, через нейтралку, а в наш тыл, переплывали озеро на надувной резиновой лодке, приводили «языков» в лесную избушку. Допрашивали, убивали, а результаты сообщали по радио своему командованию. А командир их — высокий, лысый офицер, был настоящий ас своего дела. За свои подвиги во Франции, Польше, Голландии, Норвегии и России он был награжден всеми орденами, учрежденными для офицеров в фашистской Германии.

На допросе он удивлялся, что взяли их, как он говорил, «голыми руками», даже не контрразведчики. Комдив вызвал нас, тех, кто участвовал в той операции, и представил ему, чтобы убедился в том, что мы обыкновенные советские солдаты. Немецкий офицер сказал комдиву с грустью: «Господин полковник, с такими солдатами вы должны выиграть войну...»

Нас всех представили к награде, только мы ее почему-то так и не получили. А меня и Стрельникова командир приказал перевести в разведвзвод полка.

Так вот я и попал в разведку.

ЭПИЗОД ШЕСТОЙ

Мы скрытно, ночью перешли на новый участок фронта. Сменили войска так называемого «ура» — укрепленного района.

Были такие места на протяжении нашего тысячекилометрового фронта, где из-за рельефа местности, то есть болот, рек, сплошного леса, гор ни советские войска, ни немецкие не создавали непрерывной линии обороны. Не было тут глубоко эшелонированных траншей, ходов сообщения, огневых позиций, блиндажей и прочих видов оборонительных сооружений. Местность не позволяла вести наступление крупными силами войск. В труднопроходимых местах располагались лишь небольшие опорные пункты. В их задачу входило: тщательное наблюдение за противником и в случае наступления на эти опорные пункты требовалось задержать его насколько можно, до подхода основных сил или подкреплений.

Корпус, в который входила наша дивизия, в декабре скрытно перебазировался в такое болотистое место, непроходимое летом, осенью и весной. Имелось в виду, что с наступлением морозов болота замерзнут, тогда можно совершить неожиданный и сравнительно легкий для наших войск прорыв обороны немцев. Выйти им в тыл и, создав угрозу окружения, заставить отвести свои основные силы на запад.

Судя по показаниям «языков», взятых на том участке фронта, с которого мы ушли, немцы не знали и не догадывались о том, что наши лучшие прорывные гвардейские дивизии скрытно перешли совсем в другое ме-

сто. А стало быть, с того места, на котором у немцев тоже был только слабенький укрепрайон, мы могли неожиданно ударить по ним.

Скрывая переброску корпуса и его сосредоточение на новом месте, мы не могли брать тут «языков».

Основная масса наших войск находилась в лесном массиве, а впереди, в болотистых перелесках, было только несколько рот, сменивших солдат ура.

Так вот, группе Ярцева была поставлена задача разведать кратчайший выход через замерзшее теперь болото на одну из грунтовых дорог, там, в глубоком тылу немцев.

В течение двух суток Ярцев с группой разведчиков под покровом ночи выполнял задачу. Разведав наиболее удобные пути и отметив их на аэрофотосъемке, они повернули обратно.

Неожиданно подул ветер, пошел снег и разыгралась пурга. Такая сильная, что буквально в двух шагах ничего не было видно. Однако Ярцев не стал пережидать метель, правильно рассудив, что в такую погоду лучше и безопаснее возвращаться. Можно запросто проскользнуть незамеченными между вражескими опорными пунктами.

Его группа, состоявшая из семи человек, быстро шла по азимуту. Не нужно было таиться, осматриваться, шли во весь рост. Ветер дул в спину, помогая им. Такая погода, когда вокруг ничего не видно, называлась «мечтой разведчика».

Уже к середине ночи, никем не замеченные и никого не встретившие, разведчики Ярцева благополучно дошли до нашего первого опорного пункта. Там вся группа посидела в тесной теплой землянке. Согрелись, перекурили и, немного отдохнув, сориентировались по карте и компасу, приготовились к дальнейшему движению.

Когда же они вышли из землянки, то Ярцева порази-

ла перемена ветра. Раньше ветер подгонял их сзади, теперь дул прямо в лицо. Автоматчики, находившиеся снаружи, подтвердили, да, ветер недавно резко изменил направление.

Костя еще раз сверился с компасом, повел свою группу в глубь обороны бывшего ура.

Теперь уже против ветра. Пурга не прекращалась, а даже усилилась. Мелкий, колющий снег не падал вертикально, а, гонимый сильным восточным ветром, буквально несся плотной массой, обжигая лица разведчиков. Ветер и снегопад были до того сильны, что разведчики шли склоняясь. Продвигались медленно. До нашего второго опорного пункта добрались не скоро. А дойдя, наткнулись на заграждение из спиленных деревьев, занесенных снегом. Крикнули пароль нашим солдатам. Согрелись в жарко натопленной землянке у наших солдат и опять тронулись в путь. По тому, что они безошибочно вышли на наш второй опорный пункт, Ярцев заключил: двигались правильно. Без компаса сбиться с нужного направления было трудно, просто надо держаться строго против ветра.

Они находились в тылу наших укрепрайонов, шли, не соблюдая осторожности. Дорога домой всегда кажется легче. Прошли они на восток от нашего второго опорного пункта минут двадцать, увидели на снегу свежие, но уже изрядно занесенные снегом следы. Снег же все валил, брели разведчики по нему. Ярцев обрадовался следам. Все легче будет идти! И повел своих товарищей по отметинам, стараясь ступать след в след. Вскоре они догнали цепочку усталых, неторопливо идущих солдат. Сначала Ярцев хотел пристроиться вплотную к ним, но, увидев, что те стали менять направляющего, отстал. Идущим впереди солдатам трудно было пробивать себе дорогу в сугробах, они очень медленно передвигались, время от времени заменяя направляющего.

Ярцев шел сзади цепочки и по выработанной у разведчика привычке попытался посчитать, сколько же впереди солдат. Но ветер и слепящий глаза снег мешали. Он досчитал до десяти, а дальше все тонуло в белой пляшущей мгле. Так они шагали минут десять-пятнадцать, шли с зажмуренными глазами.

Механически шагая, Ярцев в мыслях уже находился в расположении разведроты. Отчетливо представлял себе их теплую землянку и даже то, как повар наполняет его котелок вкусно пахнущей едой.

Идущие впереди Ярцева цепочкой солдаты нет-нет, да менялись местами. Тот, что шел впереди всех, пробивая дорогу в снегу для идущих сзади, быстро уставал.

Ярцев сразу заметил эту обычную армейскую смену направляющих и схитрил. Не желая утомлять и без того уставших разведчиков, чтобы не пробивать дорогу в снегу, выдерживал изрядный разрыв между собой и идущей впереди группой. Словом, берег силы своих ребят.

Так вот, после одной из таких замен солдат, оказавшийся в цепочке замыкающим, сначала бодро шагал, а потом вдруг неожиданно остановился. Костя, хотя и замедлил шаги, подошел к нему почти вплотную. Очень хотелось Ярцеву ругнуть солдата, но тот его не заметил, и Костя молча остановился. Солдат же засеменял, догоняя своих.

Солдат был одет в такую же, как и разведчики, грязно-белую куртку с поднятым и сильно затянутым у самого подбородка для тепла капюшоном. Но вот голенища сапог... Затвор на висевшей за спиной винтовке... Ведь это все было не наше, а вражеское, немецкое. Ярцев это рассмотрел: на идущих солдатах все точно такое же, как и на этом солдате, — немецкое снаряжение, а на одном еще болтался цилиндрический противогаз...

Раздумывать не было времени, Ярцев выбросил свой автомат привычным движением вперед и положил палец на спусковой крючок. Он напряг зрение и наконец пересчитал силуэты идущих впереди немцев. Двадцать два!

Холодный пот прошиб его. Винтовки у всех идущих висели на ремне за плечами, это несколько успокоило его. А у одного из идущих в середине не было ни автомата, ни винтовки. Значит, офицер, решил Ярцев. Выходит, наши разведчики пристроились к немцам и столько времени топали за ними! Хорошо, что немцы их не заметили. А куда же немцы идут? Он взглянул на светящийся компас и чуть не ахнул от удивления. Немцы шли прямо в наше расположение. Это его не успокоило. Семеро против двадцати двух! Он еще раз посмотрел на компас: не ошибся ли? Нет, идут, куда нужно!

Ярцев ведет свою группу правильно, да к тому же ведь сзади них остались два наших опорных пункта. Но куда же прутся фашисты?

Ярцев на ходу, не оборачиваясь, отвел руку назад и, схватив за рукав идущего за ним Есенко, потянул вперед. Когда тот, утопая в снегу, очутился сбоку, Ярцев, наклонившись к нему, зашептал: «Передай назад, по цепочке: мы идем след в след за немцами. Не разговаривать, оружие к бою, следите за мной и всей цепочкой солдат впереди нас. Проверить гранаты. Оружие держать так, чтобы сразу открыть огонь».

По времени они уже вот-вот должны войти в лес, пройдя по которому километра два попасть в расположение полков нашей дивизии. «В лесу действовать будет значительно труднее и неудобнее», — мелькнуло у Ярцева. Правда, за деревьями легче укрыться. Но и немцы получат укрытие!

Можно было сразу открыть огонь по вражеской цепочке, пока эти дураки не знают, что находятся на нашей территории. Но это сделать невозможно, метель за-

крывает впереди идущих, половина немецкой цепочки просто не видна.

Словом, пока Костя прикидывал, как поступить, немцы начали спускаться в низинку. Шагающий впереди офицер неожиданно поскользнулся и упал. Ярцев же и все наши разведчики, идущие последними, оставались еще в это время на некоторой возвышенности. И тут сразу хорошо стала видна вся немецкая цепочка.

К упавшему офицеру бросились несколько солдат, помогая подняться. Все остановились. Ярцев толкнул Есенко, показывая ему условный знак: «За мной, разомкнись!»

Костя сорвался с места и, утопая в снегу, побежал вперед по возвышенности, а следом за ним — разведчики.

К моменту, когда офицер поднялся из сугроба и пропустил вперед себя пробивать дорогу в снегу очередного солдата, семь наших разведчиков редкой цепочкой стояли параллельно немцам, выше их и на расстоянии каких-нибудь пятнадцати-двадцати шагов.

Уже кое-кто из немцев с удивлением посматривал на них, в это время Ярцев что было силы закричал и разведчики тоже: «Хэнде хох!» Прозвучала сухая автоматная очередь. Направляющий немец, тот, которого поставили пробивать дорогу в снегу, упал, срезанный Ярцевым. Немецкая цепочка остановилась, и солдаты недоуменно смотрели в сторону наших разведчиков.

Если бы у немцев винтовки были хотя бы на плече, они могли бы открыть ответный огонь. Но винтовки висели за плечами, тот, кто попытался бы снять винтовку, был бы сразу пристрелен. Немцы с опаской глядели друг на друга. Постепенно поднимали руки.

Поднял руки и офицер.

Тогда Ярцев крикнул Борину. Тот приблизился к немцам и, подзывая поочередно к себе солдат, деловито поворачивал их спиной и вынимал из винтовок затворы.

К офицеру подошел сам, вынул из кобуры его парабеллум.

Когда закончилось разоружение, Борин построил немцев в колонну по два. Разведчики окружили их, и процессия медленно тронулась вперед. Немецкий офицер всю дорогу что-то бормотал.

Через час эта колонна, провожаемая удивленными возгласами наших солдат и офицеров, повыскакивавших из блиндажей, уже стояла перед штадивом. По случаю небывалого события к ним вышел генерал Ванин с переводчиком и со всеми свободными офицерами штаба.

Ярцев коротко доложил о пленении немцев.

Это был саперный взвод, он возвращался после минирования неожиданно замерзшего болота. Командир взвода, пожилой лейтенант в очках, считал виновником потери ориентации ветер.

— Ветер переменялся, — устало и виновато повторял он, будто оправдываясь, будто стоял он не перед нами, а перед своим начальством.

Надо сказать, что немецкие солдаты не разделяли огорчения своего командира, война для них так неожиданно и благополучно окончилась...

Это были не просто пленные, а пленные с картой интересующей нас местности. На ней с немецкой педантичностью были нанесены все виды укреплений и минные поля. Нам оставалось только перенести эти сведения на нашу аэрофотосъемку, и точная карта расположения противника была готова.

ЭПИЗОД СЕДЬМОЙ

Опять новый участок фронта. Здесь много перелесков. В одном из них расположилась наша разведрота.

Летняя теплая ночь. Чуть тлеет костер, не для тепла, а для дыма, отгоняющего комаров.

До передовой от нас километра полтора, а по прямой, пожалуй, даже ближе. Оттуда доносится стрельба из пулеметов, винтовок, автоматов. То быстрая и злая, то медленная, ленивая.

Время от времени там, на передовой, наступает короткая тишина. Через ровные промежутки времени беззвучно вспыхивают в черном бездонном небе немецкие осветительные ракеты. Они на мгновение как бы приподнимают ночной полог над передовой.

Я сижу на каком-то ящике. Далекая легенда из языческого детства Древней Руси донесла до нас предание о зацветающем папоротнике в самую короткую ночь самого длинного дня Ивана Купалы. Сегодня такая купчая ночь, но наши ребята, ушедшие в темноту, на нейтралку, ищут не цветущий папоротник, а обыкновенного фрица, именуемого официально «языком». Шутники говорят, что на войне первой погибает правда, так вот ее с превеликим трудом приходится добывать разведчикам через этих самых «языков»...

Где-то там, на передовой, работают две наши поисковые группы. А разведчики, которые остались здесь, в роте, не спят — сидят у костра или в наспех сооруженных шалашиках, прислушиваются к стрельбе, долетающей с передовой. Слушают, не затеяли ли наши товарищи какую заваруху.

Мы по треску автоматных очередей, строчкам пулеметов, торопливому буханью гранатных разрывов и минометной стрельбе точно определяем, не начали ли наши разведгруппы бой с врагами.

У костра сидит Журавлев. Разведчик-цыган родом из туркменского города Мары, не знающий страха, прекрасный товарищ, но, как говорят о нем дружки, со «страшным сеновалом в голове». Он без пилотки, чуть наклонил голову, перебирает тонкими нервными пальцами струны старенькой, издавшей виды гитары. Переби-

рает, перебирает. И вот вдруг сразу зазвенел сильный, ладный аккорд. Журавлев запел чистым бархатным баритоном бесхитростную фронтовую песню.

Спит деревушка,
Где-то старушка
Ждет не дождется сынка,
Ей все не спится,
Медные спицы в старых дрожат руках...

А припев уже подхватили несколько голосов, и среди них выделялся звонкий тенор Кочнева:

Ветер шуршит в трубе.
Тихо мурлыкает кот в избе.
Спи, успокойся, шалью укройся,
Сын твой вернется к тебе...

В стороне, на передовой, вдруг сухо защелкали винтовочные выстрелы, потом в них вплелись длинные пулеметные очереди.

Мы замолкли, прислушиваемся, не по нашим ли друзьям немцы ведут огонь. Стрельба внезапно прекращается, и Журавлев продолжает:

Утречком ранним гостем неожиданным
Сын твой вернется домой.
Варежки снимет, крепко обнимет,
Сядет за стол с тобой.

И уносятся мысли разведчиков к деревенским избам, к городским домам далеко-далеко отсюда, от фронта, в тишину нашего тыла, домой к стареньким и еще сравнительно молодым, но одинаково дорогим и ласковым своим матерям...

А в это самое время их кровинушки, их лепесточки, их сынки ползут по нейтралке...

Ярцев со своей группой уже три раза возвращался

из поиска ни с чем. Ну никак не мог взять проклятого «языка». Группу обнаруживали немцы, обстреливали, и ребята еле-еле уносили ноги.

Прошлой ночью разрывом мины убило хорошего, душевного парня Любимова Колю, студента-добровольца, москвича. С трудом вытащили его тело с нейтралки. А сегодня ребята Ярцева снова там, на нейтралке. Места для поиска предварительно хорошо изучены и просмотрены. Таких мест Ярцев подготовил себе четыре.

Вчера немцы обнаружили его группу в лощинке, а сегодня, несмотря на существование запасных мест, он опять полез в ту же лощину. Это рискованно. Да и он по своему опыту знает, что разведчики, если их обнаружили, никогда не полезут на следующую ночь в старое место. Оно на время потеряно, потому что враги, потревоженные разведкой, будут бдительны, непременно станут ждать целую неделю, а то и дольше, на том самом месте.

А он все-таки полез...

«А что, — рассуждал Ярцев. — Немцы думают так же, как и мы; дескать, повторять поиск здесь не рискуем, ждать нас они не будут. Попробуем, проверим психологическую задачу. Узнаем, ждут они нас или не ждут». И полез пробовать...

Группа ползет неслышно, медленно, замирая и сливаясь с темной высокой травой в те секунды, пока взлетают ввысь вражеские ракеты. Ползут уже долго. Немцы ведут себя спокойнее, чем вчера. Правда, может быть они затаились и ждут наших? Резонно полагают, что «Иван» второй раз в одно и то же место не сунется. А «Иван» в количестве шести человек наперекор здравому смыслу лезет второй раз в лощину.

Вот уже заметны немецкие козлы с натянутой на них колючей проволокой. Вот и проход между козлами, который ребята вчера сделали и бесшумно поползли было в него. Но были обнаружены немцами. А там, чуть

левее, не доходя проволоки, когда они отходили, убило Колю...

Ярцев лежал перед этой щелью и отчетливо слышал, как гулко билось его сердце. Прежде чем влезть в узкое пространство между кольями, перетянутыми крест-накрест проволокой, он осторожно пошарил рукой по земле, проверяя, нет ли следов установки мин или проводочки от мин натяжного действия. Его опытные пальцы не нащупали свежесыпанной ямки или линии подрезанного дерна, чтобы туда запрятать противопехотную мину.

Козлы раздвинуты. Это разведчики сами вчера сделали и в спешке отхода не поставили их на место.

Ярцев полежал несколько минут, не шевелясь, всматриваясь в сторону вражеских окопов. Он слушал оборону немцев. Впереди все тихо. В метрах ста от него вражеский пулеметчик нет-нет, да нажимает гашетку своего «эмга», и разноцветные трассирующие пули красивыми огненными стрелами веером разносят смерть по нейтралке. Что-то немецкого пулеметчика беспокоит.

Разведчики лежали в небольшой, почти незаметной ложинке, пули пролетали на добрый метр выше.

Ярцев переждал минуту, другую и, не слыша, не видя, не замечая ничего подозрительного, дважды толкнул ногой Шульгина. Тот — следующего за собой разведчика, что означало: «За мной!»

Извиваясь ящерицей, Ярцев осторожно вполз в узкую щель между козлами, миновал их и опять остановился, шаря перед собой рукой. Нет, ничего опасного нет. Он осторожно толкнул Шульгина: «Вперед!»

Они ползли минуту, другую, десять, каждый раз замирая при вспышках ракет. Наконец выползли на своеобразный перешеек между вражескими окопами, и Ярцев убедился, что правильно выбрал для поиска места. Такие промежутки всегда оставались и у нас и у немцев. Иногда по причине рельефа местности, но чаще по-

тому, что еще не успевали соединить окопы траншеями. Ведь сперва копают ячейки, потом углубляют их, соединяя между собой ходами сообщения. Со временем, углубив ходы сообщения до полного профиля окопа, начинают соединять окопы одной воинской части с соседней. Это делается в последнюю очередь. Вот в промежутке шириной метров пятьдесят и остался еще не «сшитым» ход сообщения. Тут-то и вылезли наши разведчики. Они продолжали медленно продвигаться дальше и по голосам, доносившимся из вражеских окопов, догадывались: окопы остались уже позади.

Ярцев остановился, а за ним вся его группа. «Пусть немного отдохнут», — подумал он, а сам приподнялся на локтях, чтобы осмотреться. Ему уже ясно, что не ждал фриц, что наши разведчики опять сюда полезут.

Отползли от окопов уже метров на сто, а вокруг все тихо. Впереди, метрах в пятидесяти, Ярцев увидел неожиданно вспыхнувший огонек. Кто-то курил или прикурил. Ярцев снова лег и просигналил остальным. Снова поползли туда, на замаячивший огонек. Остановились, прислушались. Спокойно. Тогда Костя условным движением скомандовал: «Встать!»

Вставали по одному. Сначала медленно приподнялись на руках, потом становились на колени, осматривались.

Огонек, который заинтересовал Ярцева, не погас, а то возникал, то скрывался. Наблюдая за ним, Ярцев подумал, что свет пробивался откуда-то снизу, то ли из окопа, то ли из хода сообщения, то ли из вкопанной в землю орудийной позиции или ровика подле нее.

Поднявшись во весь рост, разведчики постояли, пережидая дрожь в коленках от долгого ползания. Осторожно ступая, стали подбираться к огоньку. Сделав шаг вперед, замирали, прислушивались, снова делали шаг-два и опять останавливались.

Черными тенями, рывками скользили в темноте, по-

ка наконец маячивший огонек не оказался совсем близко от них, прямо рукой подать! Внимательно изучали светящуюся точку. Свет проникал наружу через маленькую дырочку в плащ-палатке, которой завешена дверь в землянку или блиндаж. Ребята неподвижно стояли несколько минут, обдумывая, что же предпринять. Неожиданно плащ-палатка резко приподнялась, и в пятне яркого света разведчики увидели ступеньки вниз, ход сообщения в сторону от них.

Показался немецкий солдат. Он проворно поднялся по ступенькам и, судя по звукам шагов, быстро пошел по ходу сообщения.

Плащ-палатка упала, закрывая собой вход в землянку, но в углу осталась освещенная щель. Кто-то изнутри подошел и поправил плащ-палатку. Свет пропал, осталась освещенная точка, та самая, что привела наших разведчиков сюда.

«В землянке кто-то остался, — подумал Костя, — судя по яркости света, который вырывался оттуда, она маленькая, на двух-трех человек. Если один ушел, там сидят не больше двух».

Надо действовать не медля, пока не вернулся немец, который только что вышел.

Ярцев расставил разведчиков: Орлова и Лаптева возле хода сообщения, чтобы они смогли, если потребуется, оглушить сверху того солдата, который будет возвращаться в землянку, Шестерина и Токмакова по обеим сторонам ступенек, ведущих в землянку, сам же Костя осторожно, на руках опустился сверху в ход сообщения. Бережно встал на ноги и, ступая на цыпочках, начал сходить по ступенькам вниз, к завешенному плащ-палаткой входу. За ним тенью соскользнул Шулгин. Неслышно ступая, Ярцев прильнул к дырочке, из которой просачивался свет в темноту. Он увидел озаренную карбидным фонарем землянку и сидящего спиной к входу, судя по мундиру, немецкого офицера. Тот

что-то разглядывал или читал лежащее на снарядном ящике, заменявшем ему стол. Зоркий взгляд Ярцева выхватил закрытую пистолетную кобуру на боку сидящего офицера и висевший на стенке у самого входа автомат. Он на таком расстоянии, что немец сразу не сможет их схватить. В землянке не двое, а только один. Надо его брать, решил Ярцев. Мгновение — он рванул в сторону плащ-палатку, шагнул в землянку. При этом нарочно стукнул сапогом о пол. Немец от неожиданности вздрогнул и резко повернулся всем корпусом в сторону входа. Взгляд его с удивлением остановился на Ярцеве. Держа автомат на уровне груди офицера, Ярцев негромко, но внятно скомандовал: «Хэнде хох!»

Из-за спины Ярцева показался Шульгин и добавил: «Шнель, шнель!»

И тут произошло то, чего никак не ожидали ни Ярцев, ни Шульгин. Немецкий офицер, не отрывая изумленного, но не испуганного взгляда от звездочек на пилотках наших разведчиков, вдруг на русском языке сказал, медленно поднимая руки:

— А вы кто такие есть?

— Разведчики Красной Армии! — ответил Ярцев.

А у нас в расположении разведроты, в эту самую минуту Журавлев пропел последнюю строфу фронтовой песни:

Сни, успокойся, шалью укройся,
Сын твой вернется к тебе...

Слова этой песни будто долетели до вражеской землянки. В ней перед Ярцевым и Шульгиным сидел с поднятыми руками в серо-зеленом мундире чей-то сын... Его, может быть, тоже ждет не дождется где-то старая мать. В одно мгновение может блеснуть финский нож или в крайнем случае прозвучит короткая автоматная очередь, и тогда сын твой никогда не вернется домой...

Он враг наш, служит фашистам — лютым врагам советского народа!

Ярцев видел перед собой более злого врага, чем фашисты. Он резко приказал ему:

— Встать!

Власовец встал и повернулся к нему лицом, Ярцев рванул из его кобуры «вальтер». Шульгин подстраховывал Костю, держа под дулом своего автомата стоявшего врага.

Когда Ярцев нагнулся и вынимал пистолет, офицер неожиданно быстро, быстро заговорил, будто торопился высказать как можно скорее свою мысль:

— Слушайте! Давайте дружески поговорим, чем стоять перед вами мне с поднятыми вверх руками...

Тут только Ярцев уловил в его произношении акцент. Вернее, не наше построение фразы и неверное, не русское ударение в словах. Чтобы проверить себя, Костя взглянул на рукава его немецкого мундира, на них власовцы наносили нашивки с буквами «РОА»*.

Никакой нашивки у офицера не было. Заговорил Шульгин, которому так же, как и Ярцеву, было ясно, с кем они имеют дело:

— Ты нам зубы не заговаривай! «По-дружески» у нас с власовцами говорят в трибунале.

— Я не власовец! Я словак, команду словацким батальоном! — неожиданно ответил офицер.

Во всем облике его, в голосе, взгляде не было ни заискивания, ни страха, а сквозило лишь возмущение и какое-то беспокойство, что его неправильно понимают.

— Садись вон в том углу и можешь опустить руки, — приказал Ярцев.

Посадив офицера в противоположный от висевше-

* Русская освободительная армия.

го автомата и кучки гранат с длинными ручками угол, Ярцев добавил:

— Быстро выкладывай, кто ты?

— Я скажу, — заторопился офицер. — Но кто вы такие, как тут появились?

— Мы разведчики Красной Армии, пришли сюда за «языком». Думали, ты немец, а ты фашистский холуй.

— Я скажу, скажу... Вы не есть провокаторы? Я знаю, какая дивизия Красной Армии стоит перед нами. Назовите фамилию командира вашей дивизии. Если назовете правильно, я поверю, буду говорить интересно, — он кивнул головой на восток.

— Ванин, — ответил Костя, понимая, что офицер действительно знает фамилию нашего генерала.

— О, верно, верно... Я Вилем Завада подпоручик Словацкой армии, заместитель командира Отдельного батальона. Сейчас болеет наш командир Шимчик, и я команду батальоном. Мы, словаки, не хотим воевать против русских братьев. Десяток словацких батальонов, посланных на Восточный фронт германским прислужником Тисо, применяются только в тылу на охранной службе. Наш батальон сторожил разные склады. Но сегодня привели неожиданно сюда в окопы. Нам сказали, будем тут пять-шесть дней, пока германцы получат пополнение. Нам приказали углубить вдвое ходы сообщения из окопов туда, в тыл.

«Словаки — это не немцы», — думал Костя.

— Зачем вам брать меня одного, я могу перевести к вам много людей, может, весь батальон?! — заторопился офицер.

— Обманешь! — сказал Костя. — Давай весь батальон в плен!

— Не... Не все так просто. Если всем батальоном пойти до вас, то спереди нас расстреляете вы же сами, а сзади германцы! Да и как я своим поручикам и сол-

датам скажу за переход?! Они меня спросят: а где гарантии русских? Они боятся расстрелов и Сибири.

— Какие же вам гарантии нужны?

— Я напишу вашему генералу, что наш батальон может перейти на вашу сторону, если никого из нас не расстреляют, не сошлют в Сибирь. Пусть генерал поручится за это, я переведу до вас весь батальон! Если меня одного возьмете, то германцы подумают, что это я перебежал до русских, батальон сразу отведут в тыл сторожить склады трофейного имущества.

Ярцев остолбенел. Вот и выбирай! У тебя совершенно реальный «язык», да еще комбат! А может, этот Вилем Завада говорит правду? Никогда Ярцев с врагами не вел переговоров. Ему полагалось их уничтожать или доставлять как «языков». А тут переговоры с противником!

Шульгин сказал:

— Что ты его слушаешь! Он ведь офицер хитрый и плетет нам семь верст до небес, да все лесом! Бери его, Костя! А то загостились...

Ярцев молчал, в любой боевой обстановке он не терялся, мгновенно принимал решение, а тут мешкал. Что делать?

— Что же вы поливаете из пулеметов нейтралку? — вмешался в допрос Шульгин.

— Немцы нам не доверяют. Их пулбрта и минрота приданы нам, а чтобы мы не побежали, эсэсовский полк сзади нас. Германцы поливают нейтралку...

— Где ты научился говорить по-русски?

— Наши языки братские. Практика у меня была добрая. Я в 1931 и 1932 годах работал в Советском Союзе как чехословацкий специалист техником по монтажу оборудования на строительстве Харьковского тракторного завода...

У Кости сработало шестое чувство разведчика — ничем и никем не объяснимая интуиция. И он сказал:

— Код у тебя есть?

— Да.

— Давай мне код и карту своего расположения. Пиши нашему комдиву, что согласен перевести свой батальон к нам.

Офицер взял полевую сумку, порывшись в ней, достал бумаги и передал Ярцеву. Вырвав листок из блокнота, начал писать, но неожиданно остановился, обратился к Косте:

— Сейчас придет мой денщик Адам Маленец. Он преданный мне солдат. Тоже говорит трохи по-русски. Скажите своим людям, чтобы они его не стукнули.

«Догадался, что снаружи стоят наши», — мелькнуло у Ярцева, и он кивнул Шульгину. Тот вышел из землянки предупредить разведчиков. Словацкий офицер стал писать нашему генералу.

Снаружи послышались шаги. Ярцев покосился на вход в землянку. Перехватив его настороженный взгляд, офицер сказал:

— Не беспокойтесь, все будет добре.

Распахнулась плащ-палатка, в землянку вошел в сопровождении Шульгина высокий солдат в немецкой форме. Он был без оружия. Видимо, автомат, висевший на стене землянки, принадлежал ему. Солдат удивленно посмотрел на своего комбата что-то пишущего, и недоуменный взгляд его остановился на Ярцеве, державшем его под дулом своего автомата.

Комбат спокойно сказал сначала по-словацки, а потом по-русски:

— Не удивляйся, Адам. Это свои. — И тут только Адам обратил внимание на красные звездочки на пилотках наших разведчиков.

На лице у него отразились сразу и удивление, и недоверие, и недоумение. Он быстро овладел собой и спросил:

— Что прикажете мне делать?

— Постой в углу, — ответил Завада.

Все молчали. Комбат передал письмо Ярцеву и, показав на своего денщика, добавил:

— Адам проводит вас туда, откуда вы пролезли в наше расположение, чтобы вам не рисковать, пойдете во весь рост. На том месте, которое вы покажете Адаму, каждую ночь с ноль часов до двух он будет вас ждать. Пропуск для него «Татры», отзыв — «Карпаты». Если будет от вашего командования гарантия, то наш батальон перейдет до вас. У меня еще такая просьба: завтра ночью верните мне код. Из-за его пропажи могу пострадать я, если германцы узнают, что код вам известен. Добре?

— Лучше перегнуть, чем недогнуть, — ответил строго Ярцев; вынул финку и перерезал провод полевого телефона. Снял со стены немецкий автомат, ловко вынул из него магазин, взял лежавшие в углу гранаты и еще два снаряженных магазина с топчана и, обращаясь Заваде, добавил:

— Ну, смотри, подпоручик! Поверю тебе, мы уйдем, а мои ребята останутся тебя сторожить снаружи еще ровно двадцать минут. Если выйдешь из землянки раньше или поднимешь тревогу, смерть тебе.

— Понял, — улыбнулся Завада.

— «Вальтер» твой я тебе не оставлю, возьму на память.

Сначала вышел Шульгин, за ним Адам, а потом, тщательно расправив за собой плащ-палатку, Ярцев. Он тихо поднял лежавших снаружи разведчиков, потому что вранье о двадцати минутах, обещанных Заваде, было психологической угрозой. Ярцев дернул за телефонный провод, вырвал его из землянки. Бесшумно шагая, разведчики пошли к передовой. Впереди, чуть пригнувшись, шагал Ярцев, за ним — Адам. Шли молча, но не таясь. А разведчики, которые не были в землянке, не понимали толком, что происходит. Когда

приблизились к окопам, Адам крикнул своим солдатам пропуск, и группа во весь рост прошла по той самой перемычке между окопами, по которой недавно ползла затаив дыхание.

Потом Адам остался стоять, а они поползли в щель, оставленную в козлах проволочного заграждения.

Ярцев лез последним, и до того, пока выползли все другие, держал под прицелом автомата Адама: на фоне светлого неба виднелся темный силуэт.

Когда же они отползли от колючей проволоки и оглянулись, его уже не было: то ли ушел, то ли его уже нельзя было рассмотреть.

Возвратившись в разведроту, Ярцев доложил обо всем мне. Я тотчас же позвонил Кузнецову, а тот генералу, сказав, что у разведчиков есть что-то необычное.

И вот мы с Ярцевым в блиндаже комдива. Кроме генерала Ванина, тут начальник штадива Сорокин и наш Кузнецов. Я попросил еще вызвать начальника шифровального отдела дивизии капитана Юрченко. Тот явился, Ярцев доложил, что у него произошло в поиске, и, явно смущаясь, оправдываясь, рассказал, какое он выбрал решение. В подтверждение своих слов Костя выложил подробную карту обороны противника, таблицу действующего немецкого шифра и письмо Завады нашему генералу.

«Командиру дивизии Красной Армии генерал-майору Ванину. Я договорился с вашими разведчиками на словах, а теперь подтверждаю письменно вот за что. Если Красная Армия гарантирует нашим поручикам, солдатам и мне жизнь и нас потом не сошлют в Сибирь, то весь Словацкий батальон перейдет на вашу сторону с оружием. Пусть разведчики доставят нам вашу гарантию и план перехода.

Заместитель командира отдельного Словацкого батальона подпоручик В. Завада».

Ванин прочел вслух письмо и, просмотрев карту и код, сказал Ярцеву:

— Правильно поступили, старший сержант.

И обратился к капитану Юрченко:

— Дело за вами, капитан. Надо срочно проверить в эфире этот шифр, не липа ли? Скопировать код, а подлинник Вьюгин сегодня ночью вернет словакам. При этом ведите себя так, будто мы поверили Заваде. Ответ же дадим после тщательного обсуждения его письма. По видимому, завтра ночью. Сейчас я свяжусь с командармом, и мы с Кузнецовым поедem докладывать ему лично. А вы, старший сержант, — обратился он к Ярцеву, — пока отдыхайте. Решение вы приняли правильное. Это нам важнее, чем если бы вы притащили самого Заваду.

Сообщение Ванина заинтересовало командование нашей армии и даже фронта. Был тщательно проверен представленный Ярцевым код. Получив его, наши специалисты смогли попытаться раскрыть шифры и других радиостанций.

После обсуждения результатов проверок вверху приняли окончательное решение: Ярцеву снова ползти и передать Заваде гарантию и план действий.

Ярцев со своей группой еще три ночи подряд лазил в ту самую лошину на свидание с Завадой. Один раз, пока они разговаривали, Адам провел разведчиков Ярцева в тыл расположения Словацкого батальона, где они без труда взяли «языка» фашиста. Его протащили через окопы.

Но наше командование не приняло предложения о немедленном переходе батальона на нашу сторону, а предложило действовать Заваде совсем иначе. Дней че-

рез пять после того, как Ярцев чуть было не пленил Заваду, наша армия перешла в наступление. В ее задачу входило прорвать вражескую оборону и выйти ударной группой в стык немецко-фашистским войскам. Острие этого прорыва и прошло через участок обороны Словацкого батальона. С его, Завады, ведома наши саперы сняли противотанковые мины перед его батальоном, а перед самым началом нашего наступления словацкие солдаты подготовили проходы в проволочных заграждениях. В ночь наступления советские войска скрытно, без единого выстрела, прошли этот участок. Проникнув в тыл к немцам, они рванулись на врага. Эсэсовцы были начисто разгромлены соединениями нашей армии. Наши войска тогда удачно вклинились во вражескую оборону, отлично выполнив задуманную операцию.

ЭПИЗОД ВОСЬМОЙ

За сухими строчками боевого донесения, если их перевести с военного на обычный, общепринятый язык, стоит целая повесть о людском добре и зле, любви и ненависти, героизме и подлой трусости. Примером могло служить мое боевое донесение в разведотдел штадива о выполнении задания на севере Польши.

В нем я сообщал следующее:

«Направленная в тыл противника группа разведчиков из шести человек под командой командира взвода гвардии старшего сержанта Ярцева с целью разведать броды на реках Чернь Большая и Чернь Малая, задачу выполнила.

Отыскала по три брода на каждой реке. Их нахождение и глубина отмечены пунктиром на прилагаемых картах.

Задача группой выполнялась с 20 по 24 июля 1944 года, без потерь».

А вот как все происходило в самом деле.

Сижу я с Ярцевым в тени развесистого старого дуба. Костя без штанов. Они постираны и развешены на солнечной стороне кустов, сушатся. Костя с наслаждением, не спеша курит, изредка шлепает себя по белым без загара ногам, казня очередного назойливого комара, и неторопливо рассказывает мне.

— Тут через три линии траншей нам нечего было даже пробовать перейти линию фронта, мы пошли вдоль нашей обороны к тем озерам, которые вы нам на карте показывали. Днем просмотрели все возможные места, выбрали себе одно. А ночью перешли неглубокое озеро. Местами плыли. Немцы нам сами помогали. Их боевые охранения и просто посты находились между озерами. Так вот и те и другие, не таясь, жгли небольшие костры. Наверное, раков варили. Эти-то маленькие костры нам прямо-таки бакенами служили.

Мы двигались через озера, переплывая их одно за другим, а потом посоветовались, стали продвигаться по берегу, держась подальше от немецких костров. К рассвету вышли в лесное урочище «Вельма Костка». Забрались в чащобу отдохнуть, поесть, обсушиться. Одежда мокрая, это еще терпимо, а вот мокрая обувь — беда. Если не подсушиться, то можно ноги растереть до крови.

Просохли — двинулись дальше. Прямо по азимуту на интересующие нас Черные реки. Трижды пересекали грунтовые дороги, проложенные через урочища, не нанесенные на наших картах. Нам нельзя брать «языков», но мы часто видели на дорогах одиночные повозки и фрицев по одному, по два куда-то топающих. Посмотрим, затаившись, на них, как говорится, облизнемся и пропустим. Эти фрицы не дали бы нам ценных сведений...

Лес все густел и густел, идти становилось труднее. К концу дня вышли к Черне Большой. Река не широ-

кая, но глубокая. Засветло брод искать не будешь, а потом мы, чтобы не терять попусту времени, разведали удобные подходы к реке. Берега отлогие, как восточный, так и западный.

Когда стемнело, то с этих пологих мест стали искать броды. Ну а как их искать? Ведь лодки у нас нет. Придумали. Двое сходят в воду прямо в обмундировании, потому что если чуть что — голым в бой вступать или бежать по кустам не будешь. Один с шестом измеряет глубину, а другой его подстраховывает.

Днем было жарко даже в лесной тени, а ночью промерзли мы и зубами дробь выбивали. Мы нашли три брода. Да и то два для машин и повозок, на них вода доходила до метра. А для людей — только один брод.

Ночью мы перебрались на западный берег реки, к утру подошли к Черни Малой. Обсушились в чашобе, поспали. Ночью снова принялись за дело. Хотя Черня Малая по ширине такая же, как и Черня Большая, но бродов у нее хоть отбавляй. На ней искали уже не просто броды, а такие места, чтобы к ним вел молодой и негустой лес, чтобы его легко и быстро можно было вырубить, чтобы броды были напротив тех, что мы разведали раньше на Черне Большой.

Обе реки, как показано на карте, текут в тех местах совсем параллельно друг другу и, конечно, являются основательным препятствием для наступающих войск. А преодолевать их придется. Мосты через обе реки, мы их хорошо рассмотрели, они деревянные и такие узкие, что две автомашины не разминутся. Фрицы будут защищать их всюю. Им ведь такую массу войск по ним переправить нужно будет, так как же тут не защищать мосты?

В ту же ночь мы переплыли обе реки и повернули назад, к себе. Посоветовавшись, решили спрямить немного обратную дорогу и пошли севернее. К рассвету

вышли к лесной польской деревушке. Она на нашей карте не значилась.

Хотя мы не заметили присутствия немцев, зайти в деревушку не рискнули.

Примерно в километре от деревни у леса была рига. В ней мы хотели переждать светлое время суток.

Подойдя к риге на близкое расстояние, мы внимательно осмотрели все вокруг, ничего подозрительного не заметили. Ползком преодолели открытое расстояние и очутились в риге. В ней было полно душистого свежего сена, и мы расположились отдыхать.

Договорились, что поочередно по часу будем бодрствовать, наблюдать за деревней и охранять покой ребят. Моя очередь дежурить была вторая. Я сменил Журавлева, он разбудил меня часов в семь утра. Потянулся, закурил и полез по грубой шаткой лестнице под самую соломенную крышу риги.

Утренний туман еще плавал в низинках белыми ватными хлопьями. Из деревни доносилось такое мирное, совсем непривычное для нас мычание скота, пение петухов. Я стоял на лестнице, слушал и задумчиво смотрел на уютную польскую деревню, затерянную в лесах, и, помню, мелькнула у меня даже такая мысль: фашисты на нашей земле так зверствовали, а вот тут, в каких-нибудь 50—60 километрах от фронта, никто не трогает сельских жителей, петухи у них даже поют...

От этой мысли даже в груди защемило. Но размышления прервал какой-то непонятный шум и гомон, доносившийся из деревни. Я стал прислушиваться. Крики все нарастали и становились громче. Отчетливо слышались вопли, причитания. Я еще не будил ребят, потому что галдеж доносился из деревни, она же была от риги далеко, с добрый километр, а лес рядом, всего в сотне метров.

Чуть что мы под прикрытием той же риги сразу могли незамеченными уйти в чащобу, поэтому я желал

прежде всего понять причину криков. Показалось, что шум и вопли постепенно приближаются к нам. Из деревни по дороге, проложенной вдоль леса, показались люди, они шли толпой и что-то не прекращая орали. Не похороны ли это? На всякий случай я разбудил ребят. Признаюсь, нам до того хорошо было отдыхать на том сеновале в риге, что мы как-то не спешили покидать ее. Стояли в боевой готовности, смотрели сквозь щели.

Из деревни по дороге к лесу под конвоем немцев шли люди в гражданской одежде, а следом, плача и причитая, двигалась на некотором расстоянии толпа крестьян.

Что было нам делать? Уходить в лес сейчас, когда немцы вели туда людей? Безопаснее было наблюдать из укрытия. Дойдя до леса, все неожиданно повернули на дорогу, приближаясь к нам. Уже хорошо было видно и немецких солдат, и конвоируемых ими людей, и, наконец, плачущих и причитающих крестьян.

Немцев — четырнадцать, людей, окруженных ими, — тридцать один, толпа, идущая сзади, человек полтора-два.

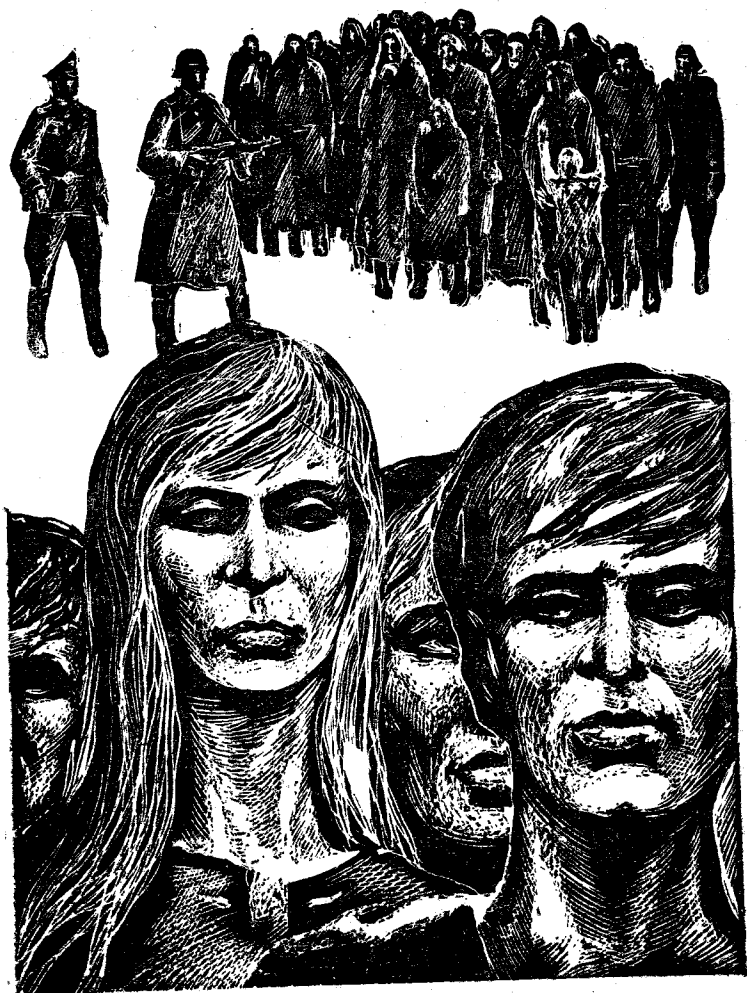
Когда эта процессия свернула в нашу сторону, я забеспокоился. Ребята благоразумно заметили, что не в ригу же они идут. Надо, мол, сидеть затаившись.

А толпа вдруг кругом повернула и уже совершенно неожиданно, я бы сказал, бессмысленно, прямо по полю двинулась к риге.

Если нам отходить, так уж не в лес, а только в сторону деревни. А раз оттуда появились немцы, значит, там их много.

Нам прямо не верилось, что немцы могут войти в ригу. Я приказал проделать два лаза в стене, обращенной к деревне. Стены риги из тонких длинных хворостин — их легко разобрать.

Мы уже хорошо лица различаем, слышим команды.

Прут прямо на ригу, в которой мы стоим. Вот тебе, думаю, и отдохнули! И немцев-то много!

И тут фашисты и те, кого они вели, остановились шагах в пятидесяти от риги, как раз на полпути между нами и лесом. Остановились возле круглой ямы, по-видимому, воронки от авиабомбы.

Они деловито построили тех, кого вели под конвоем, спиной к воронке. Сами стали впереди них — шагах в десяти, народ же отогнали себе за спину — шагов на десять. У одного из арестованных на шее висел кусок картона, на котором было написано «партизан».

Все стало понятно. Немцы привели расстреливать польских партизан или подозреваемых в связях с партизанами. Лица партизан нам стали хорошо видны. Все молодые ребята, лет семнадцати-девятнадцати. Среди них восемь девушек. В синяках и ссадинах на лицах. Видимо, их пытали, били...

Лицом к партизанам стояло двое немцев. Один офицер, а другой солдат. Офицер развернул бумагу, чтобы читать. А женщины, дети, старухи и старики плакали, что-то выкрикивали, вроде бы просили о снисхождении за своих деревенских.

А что же делать нам, разведчикам доблестной Красной Армии? Неужто наблюдать, как в кино или в театре?..

По уставу, по тому заданию, что нам поручено выполнить, в бой ввязываться нам нельзя, запрещено. Тут только четырнадцать фрицев. Но сколько их в деревне? А, может быть, и в лесу...

Ребята волнуются, прямо дрожат от напряжения. В особенности Журавлев. Сами знаете, какой он горячий, как его цыганская кровь баламутит. Все ругается шепотом, все наклоняется то ко мне, то к Ване Шулгину и просит, молит, заклиняет, стыдит нас...

— Слышь, старшой, давай лупанем по ним, по гадам! Ведь нас шестеро, а их только четырнадцать! Да-

вай! А то пропадут люди на наших глазах. Вон какие молоденькие, и девчонки среди них! Слышишь, старшой?

— Нельзя, — отвечаю ему. — Наше дело разведку бродов доставить, а не в бой тут вступать. Из-за нашего нетерпения может большая операция провалиться.

— Трахнем их и сразу когти рвать, ищи ветра в поле, а нас в лесу!

— В деревне или в лесу ты немцев считал?! Вот то-то же... Помолчи!

Он же мечется между нами, глаза кровью налились, уже не просит, а ругает нас:

— Трус вы! До деревни далеко, а мы за одну минуту разделаемся с этими палачами. Те, что остались в деревне, не успеют даже за околицу выбежать, мы уже в лесу будем!

— А если и в лесу полно фрицев?

— Давай лучше трахнем их, а то поздно будет!

Немецкий солдат, который читал приговор, уже перешел к поочередному перечислению имен и фамилий поляков, приговоренных к смерти.

— Ну давай же, старшой! — Я уже заразился журавлевским накалом, и сам думаю: надо бы ударить, но сдерживаю себя: — А если из деревни с собаками выбегут фрицы?

— Успеем уйти в лес! В нем чертова гибель ручьев. По ним отходить будем. Не возьмут след собаки на воде.

Тут неожиданно вмешивается до сих пор молчавший Шестернин:

— Дурья твоя голова! Как мы будем стрелять, когда сзади фрицев крестьяне стоят? Убьешь одного фрица и десять крестьян!

Действительно, немецкие солдаты стояли на фоне

толпы, и если бы мы начали стрелять из автоматов по ним, то пострадали бы мирные люди.

— Вот смотри, — продолжал Шестернин. — Тот фриц, что читает, и офицер стоят удобно, их легко щелкнуть.

Сухов, аккуратный и исполнительный, вдруг обратился ко мне:

— Слушай, Костя! У меня есть немецкая наствольная насадка для бесшумной стрельбы. При стрельбе щелчок все равно получается громкий, ты ведь это знаешь... Но тут так кричат, что щелчка никто не услышит. Да не сразу сообразят, откуда и кто стреляет. Давай выстрелим по читающему. Он упадет, к нему обязательно подбегут солдаты, тогда мы по куче откроем огонь.

Пожалуй, но я еще колебался.

А он продолжал:

— Я не берусь стрелять, Борин отличный стрелок! Пусть он возьмет мой немецкий автомат, насадку я уже надел.

— Согласен, — неожиданно сказал я.

Борин бесшумно поменялся автоматами с Суховым, чуть раздвинул сено, увеличивая щель между жердями, прицелился в читающего. Мы же разобрали каждый себе по фрицу и тоже изготовились для стрельбы.

Надрывно плакали и кричали женщины и дети. Понуро стояли, как на похоронах, сняв шапки, усатые старики, а фашист читает фамилии.

В это время вдруг возник гул моторов, в небе над нами пронеслось звено «мессершмиттов». Лучшего момента не дождешься. Я нажимаю на плечо Борину: «пора». Он целится. И неожиданно раздался действительно негромкий, как при закрывании портсигара, щелчок. Гул пролетающих самолетов поглотил его.

Немец смолк на полуслове, покачнулся, у него подогнулись колени, и он рухнул на землю. Но наши пред-

положения не оправдались. Шеренга солдат как стояла, так и продолжала стоять. А вот офицер действительно бросился к упавшему и наклонился над ним.

Раздался второй щелчок — и офицер ткнулся головой в землю подле своего солдата. Будто поклонился партизанам.

Тогда шеренга немецких солдат дрогнула, и они как по команде бросились к упавшим солдату и офицеру.

Прошло мгновение, и как только все фашисты сгрудились над упавшими и очутились в свободном пространстве между партизанами и толпой крестьян, я вполголоса скомандовал: «Огонь одиночными». И мы стали стрелять по серо-зеленой куче. Как всегда в таких случаях, в кого-то попало три пули, а в кого-то ни одной. Я и Борин стреляли в тех палачей, кто еще стоял на ногах.

На автоматическую стрельбу ставить наши автоматы было нельзя. Не рискнул я. Если в деревне оставались еще немцы, то до них донеслись бы автоматные очереди, они бы всполошились. У тех солдат, которые приготовились расстрелять партизан, были только винтовки. А одиночные выстрелы в деревне примут за стрельбу по партизанам.

За несколько минут все палачи уже валялись на земле, хотя кое-кто из них катался раненным. Мы распахнули ворота риги, выбежали из чее, а польские партизаны как стояли, так и продолжали стоять на месте. Они ничего не понимали. Произошло все так молниеносно, что они еще не сообразили в чем дело; они были потрясены приговором к смерти и не могли поверить в чудо. Мы выбежали из риги с криками: «Бегите!» И стали в спины толкать всех, показывая на лес. Кто-то из них заметил на наших пилотках звездочки и закричал: «Матка боска, Червоне вуйско!» Они бросились к нам, а крестьяне развязывали им руки. Но нам было не до их благодарностей.

— Быстрее, быстрее в лес, бегите! — кричали мы. — Берите оружие у фашистов.

Партизаны хватали оружие убитых, а кое-кто уже бросился в лес. Разбегались и крестьяне.

В лесу мы никого не встретили. А через некоторое время со стороны деревни слышали беспорядочную стрельбу. Она подхлестнула нас, и мы бегом, пересекая ручьи и мелкие лесные речушки, устремились дальше. Остановились, прислушались. Вокруг было тихо. С предосторожностями пошли на восток. А как стемнело, в стороне деревни небо засветилось сполохами пожара. Видимо, фашисты подожгли деревню.

На четвертую ночь мы благополучно перебрались через линию фронта и доставили сведения о бродах, — закончил свой рассказ Костя.

Вот что скрывалось за скупыми словами моего донесения о выполнении группой Ярцева поставленной задачи. Доложить иначе, как было, тогда я не мог, потому что все произошло у Кости в нарушение установленного порядка.

ЭПИЗОД ДЕВЯТЫЙ

Под натиском Красной Армии немецко-фашистские войска отступали на Запад, огрызаясь и оставляя за собой разрушенные города и сожженные села.

Наша дивизия преследовала противника, стараясь окружить и уничтожить его отдельные части, не давая закрепиться на выгодных рубежах. Поэтому разведыводы, разбитые на группы, все время находились впереди наступающих войск, стараясь не отрываться от противника, не спускать с него глаз и все время докладывать командованию о действиях немецко-фашистских войск. Такую задачу выполнял и Костя Ярцев со своей группой разведчиков.

Костя понимал, что, судя по поведению противника, в последние дни его быстрое, без боев, отступление свидетельствовало о желании оторваться от наших войск, отойти на заранее подготовленные рубежи. Поэтому Ярцев старался не отставать от вражеских войск. И все-таки, поднявшись на покрытую мелким кустарником песчаную возвышенность, Ярцев вдруг потерял из виду отступающие части врага.

Его группа убыстрила свое движение, шла еще часа два вперед, но вместо отступающих обнаружила идущих навстречу немцев.

Ярцев догадался, что отступавшие, дойдя до возвышенности, видимо, свернули в сторону и остановились на той же возвышенности. А Ярцев со своей группой проскочил вперед. Ему надо было возвращаться, но сначала переждать, пока пройдут идущие навстречу немецкие войска да заодно определить их численность. Навстречу шел немецкий полк.

Когда наши разведчики, повернув обратно, скрытно добрались до возвышенности, на которой потеряли немцев из виду, то убедились: на склонах, в заранее подготовленных окопах, расположились отступавшие немецкие части. Вот тебе и на! А на месте, где прошла группа Кости и где окопов тогда не было, теперь зарывался в землю немецкий полк, который они встретили.

Немцев было много вокруг. Попытки разведчиков перейти днем неожиданно возникшую линию вражеской обороны не удалось. Пришлось дожидаться темноты. Но где пересидеть?

Подумав, Костя повел группу к чернеющему вдали лесу. Стали скрытно туда продвигаться.

Пока удача сопутствовала им. Однако скоро они наткнулись на немецкого солдата. Он стоял на коленях возле кустов, спиной к ним, и накачивал камеру своего велосипеда. На него бросились с ножами сразу Шульгин

и Лаптев. Солдат не успел даже вскрикнуть. Взяли документы, полевую сумку и электрический фонарик.

Тело солдата вместе с велосипедом оттащили в кусты. Сумка солдата была полна писем, видимо, это был военный почтальон. Маскируясь, пробирались к лесу. Он оказался редким. В поисках укромного места для отдыха подошли к зарослям боярышника, росшего вокруг старой противопожарной смотровой вышки.

Расположились прямо под вышкой, где кустарник не рос. Костя осмотрел вышку и, рискуя свалиться на землю вместе с прогнившей, расшатанной лестницей, полез на нее. Ему хотелось осмотреть местность засветло. С небольшой закрытой площадки он увидел в километре от себя, на лесной поляне, какой-то вражеский склад. В бинокль ему хорошо были видны аккуратно сложенные ящики со снарядами, минами, патронами и целые улицы из крытых брезентом нагромождений.

Склад не был обнесен колючей проволокой, вокруг него ходили многочисленные часовые, видимо, склад создан недавно. Туда подъезжали грузовики. Солдаты нагружали их, и те уезжали.

Костя спустился на землю и рассказал все своим товарищам. Решили поесть и отдохнуть. Ведь с ночи они были на ногах. Во время еды вполголоса говорили о том, что склад рядом, да еще какой! Либо корпусной, либо армейский, но к нему не подступишься. Придется скорее возвращаться и докладывать командованию... Все улеглись поспать. Бодрствовал один Костя.

Стало темнеть, и в сторону наших войск полетели косяки немецких бомбардировщиков.

Костя разбудил Шульгина, а сам опять полез на вышку, чтобы в темноте посмотреть на склад. Судя по шуму автомобильных моторов, работа на складе не прекращалась. Светомаскировка соблюдалась тщательно. Нигде ни одного огонька.

Костя в темноте смотрел в сторону склада; над

головой снова загудели «юнкеры», летевшие на восток.

Внезапно Косте вспомнились слова офицера контрразведки Пегова о показаниях немецкого шпиона.

— На вот, посмотри! — говорил Пегов несколько дней назад, передавая фонарик. Обычный немецкий трофейный электрофонарик, он отличался от нашего. Во-первых, к нему сзади был приделан кожаный хлястик с петлями для пуговиц. Его можно было пристегнуть к пуговицам шинели или мундира. Во-вторых, осветительный рефлектор закрывался шторками из зеленой, красной, оранжевой пластмассы. Поэтому таким фонариком можно было подавать сигналы четырех цветов: красный, зеленый, обычный и оранжевый.

Еще в январе, когда совхоз Первомайский несколько раз из рук в руки переходил, Пегов у вражеского шпиона отобрал этот фонарик, который подавал световые сигналы своим «юнкерам». На допросе шпион показал: «Свечу все время оранжевым, потом моргаю трижды красным, трижды зеленым светом. Затем повторяю все снова, пока не заметят с самолетов и не начнут бомбить». Вот это какой фонарик!» — закончил Пегов. Такой фонарик немецкого почтальона имел теперь Костя Ярцев. За прошедшее время немцы должны были уже десятки раз сменить условную сигнализацию и все-таки наперекор здравому смыслу из озорства, что ли, Ярцев вынул из кармана трофейный фонарик и стал светить немецким самолетам. Точно так, как рассказывал Пегов. Сначала оранжевым светом, потом трижды поморгал красным, а затем зеленым огоньком. Но, естественно, ничего не произошло. «Юнкеры» как летели, так и продолжали лететь на восток. Постепенно в темном небе затих гул их моторов, и вскоре с востока донеслись бомбовые удары, и на горизонте вспыхнули зарницы от разрывов сброшенных в нашем тылу авиабомб.

Поглядев еще немного на далекие сполохи пожаров, Костя осторожно слез с расшатанной вышки, разбудил разведчиков, и только они собрались тронуться с места, как над ними загудели моторы теперь уже возвращающихся с бомбежки «юнкеров».

Уже на ходу Костя снова поднял фонарик и посветил вверх, потом поморгал поочередно красным и зеленым светом. И тогда — произошло неожиданное. С одного из «юнкеров» выбросили осветительную ракету. «Люстра» — так называли на фронте такие ракеты — повисла на парашюте, освещая местность синеватым, дрожащим светом.

Разведчикам даже показалось, что «юнкеры» стали кружиться над складом. Вскоре «люстра», ярко вспыхнув в вышине черного, ночного неба, погасла, и самолеты улетели на запад.

Разведчики между тем скрытно подобрались к немецким окопам и, лежа в немного, благополучно переползли их. Когда Ярцев со своей группой уже находились в расположении наших войск, произошло следующее. Примерно в той стороне, где находился немецкий склад, повисли сразу несколько «люстр». Затем послышались гулкие удары разрывов авиационных бомб, и сразу все потонуло в длительном грохоте и громе многих взрывов.

Костя и разведчики его группы стояли и смотрели в сторону доносившегося огненного грома.

Они, конечно, не могли себе представить, что это по ярцевскому целеуказанию немцы бомбили свой собственный склад. Тогда все полагали, что это «работают» наши ночные бомбардировщики.

Однако в своем докладе Ярцев упомянул не только об обнаруженном складе, но и о своих сигналах немецким самолетам. Сказал он и о том, что один из «юнкеров» отозвался на них, повесив над складом «люстру». Но последнему никто тогда не придал серьезного зна-

чения. Наоборот, Косте еще влетело от Кузнецова за то, что вернулся без «языка»...

Об этом я рассказал генералу. Добавив, что мы все за давностью забыли историю с фонариком и слова, сказанные тогда Пеговым. Не забыл их, оказывается, лишь один Костя, попробовав применить фонарик и, как видно, удачно.

На это мне генерал укоризненно сказал:

— Это тебе наука. Настоящие разведчики все помнят и никогда ничего не забывают...

ЭПИЗОД ДЕСЯТЫЙ

На войне происходит непредвиденное.

Поздним октябрьским вечером к блиндажу нашего комдива генерала Ванина подкатили три пятнистых броневика. Из среднего вылезли командующий фронтом и еще какой-то генерал. Им навстречу вышел Ванин, и они все строе спустились по ступенькам в блиндаж.

Из двух броневиков выскочили чистенькие автоматчики охраны командующего. Они, не обращая внимания на нашего часового, расположились во главе со своим офицером, будто вот-вот противник пойдет в атаку на блиндаж.

О чем говорили и что делали в блиндаже командующий и генералы, никто не знал. Однако минут так через 10—15 после их приезда у меня в землянке занял зуммер полевого телефона, и голос комдива отрывисто приказал: «Вьюгин, ко мне. Немедленно...»

Я сбежал по ступенькам вниз и остановился при входе в блиндаж, завешенный плащ-палаткой. Как было заведено, крикнул: «Разрешите войти?» Вместо привычного голоса адъютанта я услышал: «Входи».

Отодвинув плащ-палатку, я шагнул в ярко освещенный электролампой от автомобильного аккумулятора

просторный блиндаж. Войдя, увидел, что, кроме генерала Ванина, за столом сидели еще два генерала, но звезд на их погонах мне не было видно.

Предвидя мое замешательство, Ванин незаметно показал глазами на сидящих. И я сразу сообразил, кто тут старший, шелкнул каблуками, вскинул руку к пилотке и, повернувшись к сидевшим генералам, спросил:

— Разрешите обратиться к командиру дивизии?

— Обращайтесь, — ответил чуть сутулый генерал с небольшими усиками.

Сделав полуоборот, четко доложил:

— Товарищ генерал! Командир отдельной гвардейской разведроты капитан Вьюгин явился по вашему приказанию!

Ванин, не отвечая мне и повернувшись к генералу с усиками, как мне показалось, совсем будничным голосом сказал:

— Это и есть тот самый гвардии капитан Вьюгин.

Генерал с усиками по-военному четко и коротко произнес:

— Вольно! Подойдите сюда, к столу. — И когда я подошел, он добавил: — Садитесь. — И когда я сел, продолжил: — Я — командующий фронтом.

Я сделал попытку вскочить, но он недовольно произнес:

— Сидите же... Так вот, командование фронтом... — Посмотрел на сидящего рядом с ним приехавшего генерала, будто ища подтверждения. Тот молча кивнул головой в знак согласия. Командующий продолжал: — Считая вверенную вам разведроту одной из лучших на нашем фронте, хочет поручить вашим разведчикам очень важное и рискованное задание. Оно связано с переходом линии фронта в районе вашей дивизии.

— Я прошу разрешить мне самому возглавить выполнение этого задания, — сказал я.

— Нет, вам не разрешаю. Есть люди, которым можно поручить наше исключительно важное дело?

— Так точно, есть. Сержант Ярцев!

— Это тот, который организовал переход на нашу сторону Словацкого батальона Завады? Действительно мастер...

Я позвонил в разведроту и вызвал Ярцева. А пока он не пришел, командующий попросил рядом сидевшего с ним генерала:

— Разложите на столе крупномасштабную карту.

Ярцев явился чистый, подтянутый, хотя, когда я звонил, мне сказали, что он спал.

Войдя, он начал было докладывать, но командующий, поморщившись, сказал:

— Не надо, старший сержант Ярцев. Я командующий фронтом, хочу поручить одно опасное и трудно-выполнимое задание, имеющее стратегическое, а значит, и государственное значение. Его надо выполнить небольшой группой в три-четыре человека. Согласны ли вы взяться за дело и есть ли у вас подходящие разведчики?

— Так точно, согласен. Людей, которые захотят пойти со мной, выберу сам.

— Подойдите к карте. Задание состоит в том, чтобы незаметно перейти линию фронта, затем по тылам противника дойти до города, — он показал его на карте. — Там получить у нашего человека пакет и вернуться с ним обратно. Ценность сведений в пакете настолько велика, что главнокомандующий приказал мне самому, никому не передоверяя, лично дать это задание. Что я и делаю. Задача в принципе вам ясна?

— Так точно, в общем ясна.

— Можете взяться принести пакет при условии, что срок выполнения только семь дней?

— Берусь, товарищ генерал-полковник!

— Подробности вам объяснит начальник разведуправления фронта генерал-майор Анисимов.

Командующий обратился к молчавшему все время третьему генералу; тот подвинул развернутую карту фронта к Косте и начал:

— Скажу несколько подробнее о значении поставленной задачи. Те сведения, которые вам передадут, имеют исключительно важное значение для страны. Часть их закодирована, а часть, не поддающаяся зашифровке, подлинная. В случае смертельной опасности вы любым способом обязаны бесследно уничтожить пакет. Наш человек, к которому вы пойдете, не может подойти ближе к фронту и вообще выйти из города. Это женщина, ей пятьдесят шесть лет. Вот ее фотография. Возьмите и покажите ее разведчикам, которые пойдут с вами. Перед выходом на задание фотографию возвратите гвардии капитану Вьюгину. Вот в этом красном кружочке находимся мы сейчас, — показал он карандашом на карте. — А надо идти вот сюда. — И он провел от красного кружочка красную линию к городу, обвел его. — По прямой тут тридцать пять — сорок километров. Идти придется через места расположения вражеских войск. Будете колесить, получится все сто километров. Мой совет: больше трех человек с собой не брать, иначе трудно быть незамеченными.

— Возьму двух, вполне хватит! — ответил ему Ярцев.

— Как хотите, это уже ваше дело. Только те, кто пойдет с вами, не должны знать, что вы идете в город за пакетом. Им для маскировки скажите, что идете с пакетом, который надо передать. Я вам дам конверт с ничего не значащим незашифрованным письмом. Повторяю, этот пакет, хотя вы его отдадите нашему человеку, ценности не имеет. Передавать и получать пакеты будете только вы, если что-либо случится с вами, тогда это сделает кто-либо из ваших разведчиков. В безвыходном

положении нужно погибнуть, не даваться врагам живыми, уничтожить пакет.

Теперь о человеке, к которому пойдете. На окраине города есть улица Луговая, на ней дом 6. На двух его окнах, выходящих на улицу, должны быть горшки с цветами. Если цветов нет или они закрыты занавесками, значит, стучать и заходить в дом нельзя. Если же цветочные горшки стоят на окне, можно стучать. Но не в дверь, а в любое окно, выходящее на улицу, в крайнем случае во двор.

Постучите. Пароль такой: на вопрос, заданный женским голосом: «Что надо?», отвечайте: «Хозяюшка, продайте молока». Вам должны ответить: «Коровы не держу, городская я ведь». Тогда скажите: «Может, чайку согреете?» После этой просьбы вам должны открыть дверь и сказать: «Заходите, посмотрю кому, а то, может, и согрею». Входя, вы скажите: «Мне, Мария Ивановна». — «Да я и есть Мария Ивановна, а вы откуда знаете, как меня зовут?» — «Люди сказали». Пароль и отзыв заучите. — Он протянул бумажку с их текстом. — Заходить к Марии Ивановне лучше после того, как стемнеет. Сейчас смеркается рано.

Теперь о сроках. На все задание, с возвращением обратно, дается семь дней, а к Марии Ивановне вы должны зайти не позже чем через пять суток после вашего выхода. Вопросы будут?

— Да. А если мы не уложимся в пять дней, вернее, если обстоятельства не позволят за пять дней зайти к Марии Ивановне, можно ли тогда заходить к ней?

— Нет. Не нужно заходить. Ее не будет уже по этому адресу.

— А если все пять дней не будет горшков с цветами на окнах?

— Значит, заходить нельзя. И придется возвращаться ни с чем. Но так не произойдет. К ней могут заходить посторонние на час, два, не больше, и в это

время цветов не будет. Вообще же она ждет людей от нас.

— Вы располагаете своим разведбатом, а поручаете это задание нам, дивизионным разведчикам? — вдруг спросил Ярцев.

— Мда... — несколько замялся Анисимов, — Город, куда нужно пробраться, находится ближе к вашей дивизии. Раз, — загнул палец на своей руке Анисимов. — У вас самое удобное место для перехода линии фронта — лесистые массивы в тылу врага на пути вашего передвижения к городу. Это два. Вы до мельчайших подробностей знаете свою нейтральную полосу и не хуже вражескую оборону. Это три.

Откозыряв начальству, мы ушли. По дороге я думал о том, что генерал Анисимов упорно называл Марию Ивановну «наш человек», но не агентом, не разведчиком. Это давало основание предположить, что она была «связной».

Ярцев взял с собой только двух разведчиков — Авдеенкова и Грачева. То, что он брал с собой Авдеенкова, никого не удивило. Авдеенков воевал с первых дней войны, справедливо считался одним из лучших наших разведчиков, сам ходил старшим разведгруппы. А вот в отношении Грачева у нас мнения расходились. Ярцев отдавал дань не мастерству разведчика, а личной симпатии, дружбе с ним. Попал к нам Грачев недавно, месяца три назад, и вот как.

Я пришел к прибывшему в нашу дивизию пополнению в надежде подобрать в разведроту хотя бы одного-двух разведчиков. Но увы, как, впрочем, уже не первый раз, их среди прибывших не оказалось. Раздосадованный этим обстоятельством, я было уже повернул обратно, когда ко мне обратился солдат:

— Товарищ гвардии капитан, возьмите меня в разведку! Я не разведчик, но даю вам слово, что освою дело, а если не смогу, уйду в пехоту.

Я внимательно посмотрел на него. Передо мной стоял ниже среднего роста, крепко сбитый, подтянутый солдат с шинелью, не перекинутой на руку, как у других, а с аккуратной скаткой. Из-под сдвинутой набок пилотки виднелись коротко остриженные, очень темные волосы. На меня просительно смотрели необычайно голубые, чистые, как у девушки, глаза.

То ли несоответствие нашему обычному представлению — голубые глаза у брюнета — удивило меня, то ли его простодушно-наивный взгляд, то ли что-то еще, но я спросил:

— А раньше где воевали?

— Я летчик-штурмовик, да вот угодил в штрафной батальон, но не отвоевал в нем положенный срок. Заболел. После госпиталя меня вместо штрафбата направили сюда, на фронт, доотбыть оставшиеся два месяца на передовой. Возьмите меня на это время, не пожалеете.

— А за что в штрафбат угодили?

— За чепуху в общем.

— За чепуху не бывает... Я должен знать...

Мы отошли в сторонку, и он начал рассказывать о себе:

— Родился в Москве, среднюю школу окончил в Саратове, туда родители эвакуировались вместе с заводом осенью сорок первого года. После окончания школы попросился на фронт, но меня направили в авиационное училище в Красный Кут. Оттуда попал на фронт в штурмовую авиацию. Воевал на Северо-Западном, Волховском, Ленинградском фронтах. Все летчики нашей эскадрильи поехали на Урал за новыми самолетами. В течение двух недель мы освоили на заводе вождение этих самолетов, на фронт перегоняли их летом.

Прилетели мы на аэродром под Москву, и я отпросился у нашего командира эскадрильи в столицу. Хотелось побывать хотя бы на своем дворе, на Первой Ме-

шанской. Но я заторопился, не оформил увольнительную. По пути на вокзал зашел еще посмотреть на Красную площадь, как ее замаскировали. Вышел из метро, меня остановил патруль. Старшина с красной повязкой козырнул и попросил предъявить документы. Я подал удостоверение личности, он посмотрел его и говорит:

— А почему вы, товарищ лейтенант, не в своей части? Где ваше командировочное удостоверение или увольнительная?

Нет, говорю, у меня ни того, ни другого...

— Тогда пройдем к дежурному по участку.

Когда пришли, я и говорю дежурному по-дружески: «Младший лейтенант, отпускаяй меня скорее, а то нам улетать надо!» Я не подозревал, что этой фамильярностью оскорбил его до глубины души. Он прямо вспыхнул.

— Вместо того, чтобы по уставу доложить, вы еще, товарищ лейтенант, позволяете себе меня «тыкать»! Выйдите! Зайдите и поприветствуйте меня, как положено!

Тут я вдруг, сам даже не знаю почему, разозлился. Это, говорю, кого мне приветствовать?! Тебя, тыловую крысу, что ли? Или твою медаль за бытовые услуги! Это я по поводу его медали прокатился. Тебе, говорю, надо встать и приветствовать мои ордена! А у меня на груди два ордена Красного Знамени и два Отечественной войны первой степени. Он закричал: «Я арестую вас сейчас!» А я выхватил пистолет и тоже заорал: «Только попробуй! Перестреляю тут всех вас!» То ли он кнопку звонка незаметно нажал, или просто на наши крики в комнату вбежал целый взвод солдат. Повалили меня, пистолет отобрали, в камеру затолкали.

Но я даже не волновался, потому что был уверен, что наш командир эскадрильи, Герой Советского Союза, меня обязательно найдет и выручит. Но время шло, а меня никто не выручал... Уже потом я узнал, что мою

фамилию дежурный не показал ни в каких сводках. Таким образом, мой командир эскадрильи не знал, где я нахожусь. На третий день привезли в трибунал и вкатили три месяца штрафбата, да еще и ордена сняли. Сурово, но справедливо. Обижаюсь на себя!..

Когда привезли на фронт, я только десять дней провел в окопах на передовой и заболел воспалением легких.

Признаться, я взял тогда Алешу Грачева вовсе не потому, что надеялся сделать из него за неполных три месяца разведчика. Нет! Каюсь: взял его скорее из этой офицерской солидарности. Пусть, подумал, побудет в разведроте. Летчики, так нужные в небе, на земле тоже не валяются!

Он же очень быстро сошелся со всеми разведчиками, подружился с Ярцевым и скоро стал ходить с ним на задания.

Ярцев с Авдеенковым и Грачевым намеревался переходить линию фронта сегодня же ночью. Одежда на них была обычная: куртка из пятнистой маскировочной материи и такие же штаны, выпущенные поверх сапог. Вот только пилотки они надели немецкие, хотя захватили с собой и наши. Автоматы, пистолеты, гранаты, ножи и компасы попросили дать им немецкие.

Генерал Анисимов оказался аккуратным. Ровно через два часа пришел к нам в сопровождении вернувшегося из поездки в штаб армии нашего Кузнецова. Они проверили план операции, представленный Ярцевым. Сделали некоторые поправки в отношении возможных мест возвращения и после тщательной проверки знания участниками задачи, пароля и отзывов генерал Анисимов дал согласие на выход группы. Но только не сегодня, как хотел Костя, а завтра ночью.

Анисимов одного не сказал ни Ярцеву, ни мне, ни даже Ванину: эта задача поручалась не одной группе Ярцева. Для верности это же задание поручалось вы-

полнить почти одновременно четырем разным группам, составленным из лучших разведчиков фронта.

Две группы уже отправились вчера ночью с разных участков фронта. Завтра ночью уйдет Ярцев, а послезавтра будет послана еще одна, последняя группа. Ценный пакет с подлинными документами должен был получить тот разведчик, который придет к Марии Ивановне первым. Остальным она должна была вручить только копии тех бесценных для нашей Родины документов. Об этом никто, кроме командующего фронтом, Анисимова, нескольких офицеров разведки фронта и самой Марии Ивановны, не знал.

Сводка погоды, доставленная для генерала Анисимова из гидрометслужбы фронта, давала такой прогноз: «В течение недели ожидается слабый юго-западный ветер, без осадков, температура воздуха — ночью плюс 3—плюс 5, днем плюс 8 — плюс 10 градусов».

Это очень обрадовало Ярцева, потому что не нужно было утепляться, легче идти. Казалось, Ярцев все предусмотрел, все продумал...

В час ночи их маленькая группа вышла. На участке перехода их ждали Анисимов, Кузнецов и я.

Когда Ярцев подошел к передовой, луны уже не было, а небо усеяно множеством маленьких, сверкающих звезд. С краю небосклона лениво повисла Большая Медведица.

Ярцев решил перейти, вернее, переползти нейтральную полосу на участке второго батальона нашего третьего полка. Тут нейтралка была не заминирована, и у немцев, как показала аэрофотосъемка, проходило не шесть, как везде, а только две извилистые линии окопов. Нейтралка была очень широкой, метров четырехста, ровной как стол, без кустиков и деревьев, кроме того, вражеские окопы располагались на небольшой возвы-

шенности. Нейтралка отлично просматривалась противником, и потому, вероятно, ее не минировали.

Переползти нейтралку незамеченными для трех отличных разведчиков не представляло особого труда, тем более что пятнистые куртки и такие же штаны отлично сливались с пятнистой темно-бурой осенней землей. А вот переползти шесть немецких линий траншей, если бы они были, почти невозможно. Поэтому и выбрал Ярцев этот участок с широкой открытой нейтралкой, зато только с двумя линиями вражеских окопов впереди, — без шести линий...

Они поползли и провалились в черную бездну ночи...

Как всегда, для наблюдения за нейтралкой немцы освещали ее ракетами. Как только, шипя, гасла очередная ракета и наступала недолгая темнота, наши разведчики успевали бесшумно продвинуться на два-три метра и замереть, пока взлетала очередная ракета. Иногда вражеским наблюдателям в этом лениво танцующем свете ракеты казалось что-то подозрительным, и тогда разноцветные пунктиры трассирующих пуль пулеметных очередей ощупывали землю.

Так наши ползли час, два, пока не преодолели нейтралку. Они залезли в небольшую воронку перед вражескими окопами. Определив по звукам и голосам, где немецкие солдаты не спят, а где отдыхают, разведчики, извиваясь ужами, проскользнули через одну, а затем через другую линии вражеских траншей.

По аэрофотосъемке они знали, что на этом участке у немцев нет ходов сообщения, что за окопами поле, переходящее в перелески, а там — артиллерийские батареи. Проползли еще метров сто после второй линии окопов и встали. Ярцев повел маленькую группу ускоренным шагом вдоль дороги, в глубь вражеской территории. Они видели, как по дороге проезжали автомашины, повозки в сторону передовой и обратно. Слышали иногда немецкую речь. Сами же шли молча, быстро.

Ночная темнота укрывала их, они шли, всячески избегая встречи с немецкими солдатами. Завидев или услышав немцев, тотчас резко сворачивали в сторону. К утру вошли в лес. Когда рассвело, Ярцев влез на самую высокую ель и осмотрелся. Над темной грядой леса гроздились розовые от лучей восходящего солнца пышные, будто надутые, облака.

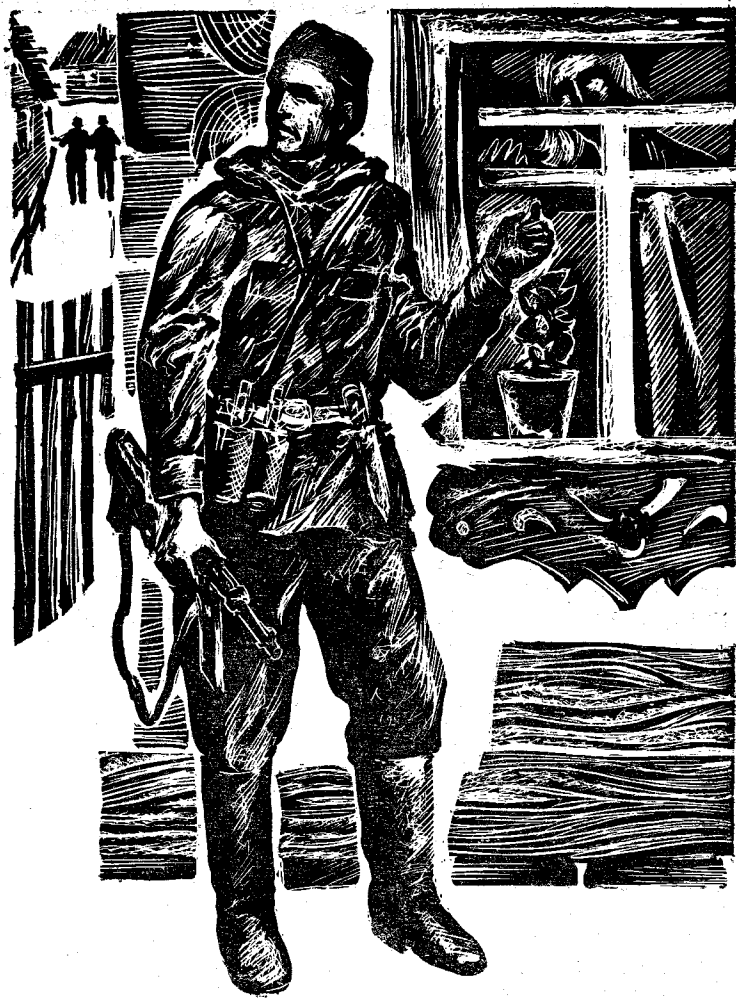
С левой стороны над лесом поднимались в разных местах дымки, видимо, там располагались немецкие войска, а с правой стороны дымок не было.

Свернули вправо и стали продвигаться с большой осторожностью от дерева к дереву, от куста к кусту. Медленно, с оглядкой обходя или пережидая встречных, прошли километров десять и увидели в осеннем поредевшем лесу штабеля известняка, заготовленного еще до войны. Понаблюдали за штабелями и, никого не заметив, подошли осмотреть их. Среди множества штабелей нашли закрытое со всех сторон место. Тут поели, поочередно поспали.

До города они двигались с большими осторожностями двое суток. Быстрее идти нельзя: шли они ночью. Идут, идут, и вдруг слышат — немцы! Отходят назад или в сторону, затаившись, пережидают, пока фашисты пройдут.

Подошли к городу, весь день наблюдали в бинокль из трубы разбитого и сожженного кирпичного завода и установили, что в город ведет лишь одна дорога. У самого города она перекрыта шлагбаумом, где немецкие солдаты проверяют документы.

Луговую улицу в бинокль они хорошо рассмотрели. Улица выходила на окраину в той стороне, в которой они находились. Получалось, что на Луговую можно пройти как по нейтралке — ползком через луг. Ярцев договорился с Авдеенковым и Грачевым так: они останутся в этой самой трубе, а он полезет через луг в го-

род. Если к утру не вернется, то на следующий день должен пойти Авдеенков.

Стемнело, и Ярцев пополз. Больших трудов ему это не стоило. Ракетами не освещали, не стреляли, не то что на нейтралке. И все-таки Костя немного отклонился и приполз не к Марии Ивановне, а в сад к ее соседу. А у того цепная собака. Пока хозяин вышел на собачий лай из дома, Костя уже перемахнул через забор на улицу и спокойно подошел к нужному ему дому.

Он видел, как сосед вышел на крыльцо, цыкнул на собаку и, убедившись, что никого нет, ушел в дом. А Ярцев пошел медленно мимо дома номер шесть, посмотрел на одно окно, на другое, — цветы стоят, значит, можно заходить.

Постучал раз, другой. Ему ответила Мария Ивановна, на вид женщина совсем не старая, смешливая, хохотушка, даже не верилось, что она агентурный наш разведчик и каждую минуту рискует своей жизнью.

Ярцев отдал ей письмо, а она большой пакет — толстый, тщательно обернутый в детскую клеенку.

Предупредила, чтобы берег пакет от воды. Поэтому Костя предположил, что в нем фотографии. Сунул пакет за пазуху. Мария Ивановна объяснила ему, как лучше пройти незамеченным к лугу, а потом к развалинам кирпичного завода. На прощанье сказала:

— Берегите пакет. Передайте, что скучаю. Никого у меня еще не было. Вы первый, кто зашел ко мне за эту неделю.

Костя не придавал значения ее словам. Смысл их стал понятен ему позже.

Костя вернулся благополучно к ребятам, и они той же ночью тронулись в обратный путь.

Начало резко холодать. К утру на почве появился иней, и лужи похрустывали под ногами прозрачным ледком. Разведчики на ходу не мерзли. Днем все растает и

будет теплее, предполагали они. Но погода портилась: все больше и больше холодило. Лужи уже не таяли. Сильный ветер гнал по небу низкие свинцовые тучи, и, казалось, под тяжестью их гнулись деревья.

Они мерзли. Дойдя до лесной каменоломни, разведчики не смогли поспать или отдохнуть, а весь день прыгали на месте, чтобы согреться. Развести костер остерегались. Вокруг — вражеские войска, беспрерывно проносились немецкие самолеты.

Вся водка из прихваченной на всякий случай фляги была выпита, а согреться им так и не удалось.

Дождались темноты и чуть ли не бегом пустились в сторону рокотавшего вдаль фронта. Временами из низких туч сыпались крупинки снега. На разведчиках была летняя одежда. Совсем окоченевшие подошли примерно к тому участку фронта, на котором переходили вражеские окопы, и... ахнули! Обе линии немецких траншей и видневшаяся за ними нейтралка были покрыты ослепительно белым, даже для ночи, снежным покровом. Снег шел весь день и прекратился только в сумерки. А на термометре к вечеру, оказывается, было шестнадцать градусов мороза.

Ярцев с разведчиками лежал в воронке на той части поля, что находилась перед второй линией немецких окопов, метрах в ста от них, еще на темной, без снега, земле.

Бывает же так! Снег прошел непонятной полосой, засыпав немецкие окопы, нейтралку и всю нашу передовую. Как же теперь быть? Как разведчикам перебраться через вражеские траншеи, а потом через нейтралку? Без всякой ракеты на целый километр отлично была видна любая маленькая, даже неподвижная темная точка.

Даже если им удастся проскользнуть незамеченными через вражеские окопы, то по нейтралке не проползти. Можно бы рискнуть встать и попробовать побежать,

да очень уж далеко бежать. Немцы не прозевают: подстрелят!

Они не знали, что вся артиллерия нашего участка фронта готова была поддержать их огнем в том месте, где они появятся, что генералы Анисимов, Ванин и командир нашего артполка находились на НП дивизии, а мы с Кузнецовым сидели на НП комбата. Наблюдатели до рези в глазах смотрели в стереотрубы, изучали каждый метр белоснежной нейтралки. Ждали, когда появятся на снегу темные фигуры наших разведчиков, чтобы сразу же отрезать их огненной завесой, заслонить ею от врагов. Но Ярцев с товарищами ничего этого не знал. Они лежали на дне темной воронки, дрожь была их.

Уходить им было некуда, да они и не смогли бы уже уйти, если бы захотели. Последние силы потратили на то, чтобы хоть немного разогреться, да и, полежав столько времени без движения, они окончательно замерзли от холода, их клонило ко сну. Мороз еще более усиливался, разведчики могли замерзнуть.

Костя Ярцев смотрел на темную зубчатую гряду леса, на холодные мерцающие звезды и не видел выхода: замерзнут... Надо уничтожить пакет... Ведь надо же! Из каких только передряг выходил живой и ребят своих выводил, а тут — замерзает, в полукилометре от своих погибает...

Сжав до боли кулаки, зашептал: «Нет! Нет!»

Он чуть приподнялся и, еле-еле выговаривая слова, сказал ребятам: «Попробуем, посмотрим, что из этого выйдет!»

Ему много, как, впрочем, и всем нам, выпало физических страданий на войне. Ранения, госпитали, операции без всякого наркоза, в полевых условиях. А решил-ся он на невероятное.

Ярцев на двадцатиградусном морозе начал раздеваться. Да, да, раздеваться догола!

Ребята с ужасом смотрели, как совершенно окочевшими руками он, не поднимаясь с земли, стащил сапоги, снял маскировочные штаны, маскировочную куртку, нижнее белье и, наконец, остался совсем голым. Как говорят — в чем мать родила!

И тут же, как мог поспешнее, начал снова одеваться. Но уже прямо на голое тело надел маскировочные штаны, потом куртку. Натянул сапоги, сунул за пазуху пакет, подпоясался, а затем поверх одежды с трудом натянул кальсоны и нижнюю рубашку. Из белого носового платка сделал повязку на голову, такую, как иногда делают загорающие на пляже.

Стуча зубами и дрожа всем телом, он вдруг предстал перед ребятами совсем белым как в зимнем маскировочном халате.

— Здорово! — прошипел Авдеевков и тоже стал, с трудом шевеля пальцами, переодеваться. За ним исподнее наверх надел Грачев. Только у него платок носовой оказался темным, пришлось на голову вырвать кусок нижней рубахи. Они были тогда благодарны старшине Данкевичу за то, что он достал и выдал им перед уходом свежее чистое белье.

Переодевшись, поползли.

Фрицы их не заметили, даже наши наблюдатели прозевали. Уже перед самыми нашими окопами один пулеметчик углядел их в своем секторе. Они ползли, чуточку согреваясь, но все-таки теряли силы. Окоченели руки и ноги.

Они еле-еле доползли до наших окопов. Как только это стало известно, прибежал Анисимов. Бормотанье Ярцева с трудом можно было принять за членораздельную речь. Он отдал пакет.

Мы тут же стали их оттирать, отогревать, отпаивать горячим чаем с водкой. Они немного отошли, а пришли в себя уже в расположении нашей разведроты.

Удивительно, что никто из них не заболел, даже насморка не схватил. Зато спали они здорово! Двое суток их не будили, они не просыпались...

Оказалось, что Ярцев пришел к Марии Ивановне первым и поэтому получил от нее и доставил пакет с подлинными документами.

Какова же судьба остальных разведгрупп? Одна из них не смогла незамеченной перейти нейтралку. После третьей попытки, потеряв одного разведчика убитым, а старшего группы раненым, Анисимов задание этой группе вынужден был отменить.

А еще две, которые вышли раньше Ярцева, линию фронта перешли благополучно, но до Марии Ивановны не дошли и обратно не вернулись. Они исчезли. Что с ними случилось, никто об этом не знал. Видимо, погибли где-то в тылу у врага в неравном бою. Храбрые разведчики врагу живыми не даются.

Что за документы принес Костя, никто из нас так и не узнал.

Но Ярцеву сразу же было присвоено звание младшего лейтенанта, а через некоторое время комдив вручил награды: все трое были награждены орденами Ленина.

ЭПИЗОД ОДИННАДЦАТЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ

Война подходила к концу, мы бились с врагом уже на его территории.

До нашей победы оставалось совсем немного, и особенно тяжело было терять своих ребят. А число в графе «безвозвратные потери» все росло и росло. К нам поступали новенькие. Как правило, разведчики, выпущенные после излечения из госпиталей, ранее воевавшие в других разведподразделениях.

Наш комдив, генерал Ванин, человек, имевший право от имени Родины посылать людей на смерть, все чаще и чаще говорил командирам полков и отдельных подразделений:

— Товарищи! Запомните. Власть над людьми вам дана не от бога, а от народа, цените людей, одетых сейчас в солдатскую шинель. Берегите людей! Лучше лишнюю сотню мин или снарядов потратить, чем потерять хотя бы одного солдата.

Но война есть война, и надо воевать!

Дивизии поставлена задача отрезать пути отступления потрепанному, но еще боеспособному немецкому корпусу. Не дать ему отойти на запад и соединиться со своей армией.

Генерал Ванин при разработке операции понимал, что нам не удастся выйти сразу большими силами на шоссе, по которому будут отходить немцы. Поэтому он поставил задачу перед нашей разведотой: «Найти щели в боевых порядках врага, просочиться через них в тыл противника и захватить мост на том самом шоссе через небольшую, но с болотистыми берегами речушку. Закрепиться на мосту и удержать его любой ценой до подхода основных сил дивизии. Первый и третий полки на этом захваченном нами мосту должны сомкнуть свои клещи окружения.

Имелось в виду удержать мост часа два, не пропуская по нему вражеские части, создавая тем самым впечатление окружения их. Это была психологическая мера воздействия на деморализованного противника, теснимою с фронта другими частями нашей армии.

На карте все это выглядело красиво. Две красные стрелы, обозначавшие войска Красной Армии, стремительным полукругом охватывали довольно большое пространство, занятое противником, а потому заштрихованное синим карандашом. Тонкая синяя стрелка вражеских войск тянулась по шоссе в сторону того самого мос-

та, который нам приказано было захватить и удержать, чтобы полкам нашей дивизии завершить окружение.

В разведроте находились свободными от различных заданий человек тридцать разведчиков. Командиры взводов Руссаков и Московцев с десятком разведчиков были на флангах полосы наступления нашей дивизии. В роте оставался лишь Ярцев со своими людьми. Я посоветовался с ним, как лучше нам выполнить приказ комдива. Решили всех разведчиков разделить на две группы, одну из них возглавлю я, а другую Ярцев. Надо было выйти к мосту неожиданно для противника.

Двумя группами у нас было больше шансов проскользнуть к мосту скрытно. Если одна группа ввяжется в бой, то вторая все-таки пройдет к мосту.

Ярцев со своей группой должен идти по правую сторону от дороги, я же — с левой и выйду к мосту как бы с запада, с тыла. По боевому приказу захватить мост надлежало в 8.00. А полкам время выхода к мосту определялось в 8 часов 30 минут.

Для связи со штадивом со мной пошел наш радист, а с группой Ярцева другой радист — из батальона связи.

Ночью под шум неумолкающей канонады мы благополучно перешли линию фронта.

Очутившись в тылу противника, группа Ярцева начала продвигаться вдоль шоссе довольно быстро, потому что немецкие части находились в основном по левую сторону дороги.

Мы же, наоборот, попали в самую гущу расположения фашистских войск, все время натываясь на вражеские подразделения, нам приходилось удаляться от дороги. Наше отклонение влево сыграло свою роль: к 8.00 мы были еще далеко от моста.

Группа Ярцева вышла к мосту раньше намеченного часа. Разведав подходы к нему и убедившись, что движение по мосту редкое — временами на запад проез-

жали только одиночные машины и повозки, судя по всему с ранеными и каким-то имуществом, Ярцев решил сразу же захватить мост, не ожидая ни нас, ни намеченного часа. Сделав это, Ярцев намного опередил совместные действия наших войск и напугал отступающих немцев возможностью потери моста, то есть отвода транспорта, артиллерии и другой боевой техники. А я со своей группой, наоборот, чтобы не соприкоснуться с противником, настолько забрался в сторону, что вышел к мосту позже — в 8 часов 25 минут. Уже за несколько километров от моста мы слышали там стрельбу и увидели, как туда с ревом пронеслась тройка «мессершмиттов».

Когда мы выбежали из перелеска к мосту, то увидели, что разведчики Ярцева уже бьются с немцами. Сбить Ярцева с моста немцам не удавалось, да и немцы боялись повредить мост.

Для того чтобы по мосту нельзя было проехать с ходу, наши разведчики сорвали несколько метров настила и заняли оборону под мостом. Получилось хорошее укрытие. Когда мы заскочили под мост, Ярцев доложил.

— Гвардии капитан, воюю тут с фрицами за мост!..

Немцы уже хотели с ходу на автомашинах прорваться и высадить на западной стороне моста своих солдат, но Ярцев их остановил.

Немцы подкатили на автомашине с солдатами и остановились перед разобранным мостом. Но им не дали сойти с автомашины и подойти к мосту, чтобы изучить его. Разведчики подорвали автомашину противотанковой гранатой, а сидящих в машине солдат уничтожили автоматным огнем; были захвачены автоматы, магазины к ним и два пулемета.

Тогда-то они и послали против нас целую роту с минометами. Да еще и «мессеры» прилетели и стали поливать мост из пулеметов, а вот бомб не бросали. Им

поставили задачу уничтожить нас, но не повредить мост.

Пока я осмотрелся и выслушал Ярцева, немецкая пехота короткими перебежками начала медленно приближаться к мосту. Мы определили ориентиры для всех и открыли огонь по перебегающим немцам. Мост находился чуть повыше того луга, по которому немецкие солдаты перебежками приближались к нам. Поэтому нам хорошо было видно, где залегли солдаты, и мы, как только прекращался огонь их минометов, сразу же начинали стрелять по серым комочкам.

После прихода моей группы и вступления ее вместе с Ярцевым в бой многие немецкие солдаты остались неподвижно лежать на лугу. Видя, что наш огонь усилился, фрицы стали отползать. Поредевшая немецкая рота отошла в дальний перелесок. Улетели и «мессершмитты».

Теперь-то мы смогли как следует осмотреться. Справа и слева гроыхала артиллерийская канонада, но пока еще далеко. Было уже 9 часов, но наши войска еще не показались. Трое разведчиков из ярцевской группы получили легкие ранения, и санинструктор Рошук перевязывал их.

Наши войска запаздывали. Мы понимали, что немцы обязательно будут еще драться с нами за мост. Были цветочки, а ягодки еще впереди.

Ярцев мне сказал:

— Гвардии капитан, я думаю, что, как только фрицы поймут, что наши их окружают и начнут драпать по этой единственной дороге, они тут у моста дадут нам жару! Им ведь во что бы то ни стало надо сбить нас и прорваться на запад.

— Это правильно. Слушай, а как тебе удалось без инструмента быстро сорвать доски с настила?

— Доски не прибиты. Я сам первый раз вижу такую конструкцию моста. Стоило выбить четыре клина,

освободить бруски, и свободно вынимай хоть одну, хоть все доски. Вот мы и вынули часть досок.

Спереди нас защищали доски и еще загораживала разбитая немецкая автомашина.

Ярцев с Шульгиным и Грачевым, прихватив немецкий МГ, скрытно отошли и расположились в кустах на крутом берегу изгиба реки.

Мы договорились с ним так, что в случае необходимости они неожиданно, по нашему сигналу, откроют фланговый огонь.

Мы заново установили для оставшихся разведчиков ориентиры для стрельбы, распределили гранаты и перевязали раненых.

В это время на дороге к мосту показались несколько автомашин с пехотой противника. Немцы, вероятно, уже догадались, что у нас только личное оружие, и поэтому, не доезжая до моста метров четырехста, их автомашины остановились, из кузовов высыпали солдаты, на ходу разбегаясь в цепь. Они пошли на нас, чуть пригибаясь и стреляя короткими очередями.

Вражеская цепь двигалась быстро. Как только она поравнялась с засадой Ярцева, я выпустил зеленую ракету: это сигнал ему.

И сразу, захлебываясь от собственной скорострельности, застрочили трофейные пулеметы МГ — Ярцевский и наш. Мы видели, как падают вражеские солдаты. Наконец под нашим огнем пулеметов залегла вся цепь, и нельзя уже было разобрать, кто упал мертвый, а кто залег живой.

Некоторое время уцелевшие в цепи солдаты лежали неподвижно, а потом по команде своих офицеров одни стали перебегать, а другие в это время стреляли в нашу и Ярцева стороны.

Но мы-то располагались чуть повыше наступающих немцев, и поэтому нам хорошо было видно перебегающих фашистских солдат. Мы вели по ним прицельный

и точный огонь. И немцы, отстреливаясь, стали отходить назад, оставляя убитых и даже раненых.

До нас доносились их крики. Надо сказать, что поведение раненых на поле боя тоже было отличительной чертой немцев.

Наши солдаты-пехотинцы, раненые, обычно стонали, а криком кричать — очень редко. А вот немцы всегда кричали. Не обращая внимания на крики своих раненых, гитлеровцы продолжали отходить к автомашинам, а дойдя до них, стали окапываться.

Уже было 9 часов 20 минут. Канонада гремела вовсю и по сторонам и впереди нас, но никакие наши части к мосту пока не подходили.

Скоро мы услышали рокот моторов, и на дороге показалась целая колонна немецких грузовиков. Они остановились на расстоянии километра, а их медленно обошли два «фердинанда» *. Они пошли в нашу сторону по шоссе не спеша, вроде осматривая и обнюхивая дорогу длинными стволами своих пушек. Некоторое время постояли, а потом опять медленно, будто в раздумье, тронулись по шоссе к мосту. Мы увидели, как поднимались залегшие было солдаты и, пригибаясь, пошли следом за «фердинандами».

Я снова дал сигнал Ярцеву, и сразу же затрещал его МГ, отсекая и укладывая на землю идущую за самоходками вражескую пехоту.

«Фердинанды» выстрелили по разу. Их снаряды разорвались в десятке метров от подбитой Ярцевым автомашины, обдав нас песком и камнями. Потом один «фердинанд» круто повернулся на пятке и пошел на Ярцева, а другой, продолжая стрелять, медленно полз на нас.

* Самоходная пушка.

Вражеская пехота залегла. Ярцев перестал стрелять, и мы увидели, как его группа с пулеметом молниеносно перебежала на другую запасную позицию.

В это время ко мне подошел радист и, передавая наушники и микрофон, сказал, что ему удалось связаться с КП Ванина. Я доложил Ванину обстановку, и он мне сказал так: «Держись, капитан. Наши чуть запаздывают, но я тебе сейчас вышлю поддержку с воздуха».

А «фердинанды» приближались к мосту. Надо было что-то предпринимать. Я приказал Сухову и Лаптеву с противотанковыми гранатами выползти незаметно вперед по заросшему лозой и наполовину залитому водой кювету и, как только будет возможно, бросить в самоходку гранаты.

«Фердинанды» продвигались почему-то очень медленно, не шли, а ползли. И даже на такой малой скорости не стреляли. Остановка — выстрел — и снова черный ящик с белым крестом ползет на нас и на Ярцева.

Та самоходка, которая шла на нас, еще не поравнялась с нашими гранатометчиками, а у нас уже убит Митя Шестернин и четверо ранены. Вражеская самоходка подползала все ближе и ближе. Мы видим, как поднимается с земли уложенная ярцевским пулеметом немецкая пехота и, прячась за «фердинандом», бежит в нашу сторону. Мы стреляем, но без толку, их закрывает самоходка. Как только начинает бить сбоку пулемет Ярцева, пехота снова ложится.

Но вот бахнула пушка «фердинанда», и пулемет Ярцева захлебнулся.

«Неужели попал?» — мелькнула у меня мысль, а тот «фердинанд» круто развернулся и уже пополз в нашу сторону. А в это время из-за леса появилась пятерка наших штурмовиков Илов. Я сразу выпустил одну за другой две красные ракеты, показывая самолетам, где

мы. Они низко прошли над мостом и, весело поблескивая крыльями, развернулись — и в сторону «фердинандов» полетели огневые молнии эрэсовских снарядов. И сразу оба «фердинанда» потонули в фонтанах оранжево-красных разрывов.

Еще заход. И вот уже чадно горят обе вражеские самоходки. Запахло паленой резиной, краской, бензином и еще чем-то противно сладким...

Будто резвясь, штурмовики пролетели над залегшей вражеской пехотой, поливая ее свинцовым дождем. Немецкие солдаты кинулись назад к своим автомашинам. Илы сделали еще один заход. Одна автомашина вспыхнула, другие, не разбирая дороги, помчались в сторону перелеска.

В грохоте боя мы не сразу услышали, как у нас с тыла заурчал танковый мотор. Это приближалась наша передовая тридцатьчетверка, облепленная солдатами танкового десанта.

Часы показывали 10.45. Два часа сорок пять минут удерживали мы мост. У нас четверо убиты и семеро раненых. Трое из них тяжело.

Я побежал к огневой позиции Ярцева. Здесь осколком снаряда «фердинанда» был убит Ваня Шульгин из Мытищ. Грачев был ранен. Он отполз в сторону и оттащил туда же Ярцева. Костя лежал, разметав руки, без сознания. Санинструктор Рошук долго перевязывал его, наконец обратился ко мне:

— Ярцева надо срочно отправить в медсанбат.

Наши войска подходили с обеих сторон, замыкая задуманное Ваниным окружение и закрывая то самое окошко, через которое могли уйти немецкие войска. Теперь, если не сдадутся, их будут добивать.

Я попросил у знакомого комбата третьего полка транспорт отвезти раненых. Мы уложили в автомашину всех наших раненых. С ними уехал Рошук.

Вернувшись, он доложил мне, что легкораненые остались в медсанбате, а тяжелых и Ярцева он сдал в санитарный поезд.

Примерно дней через двадцать мы получили просьбу выслать в госпиталь, расположенный в Ярославле, документы и награды наших разведчиков. На Ярцева подобного запроса мы не дождались. И сам Костя нам не написал. Обидно и горько было сознавать, что наш Костя Ярцев, видимо, на этот раз не выжил. Отличный разведчик и замечательный товарищ.

Перед самым окончанием войны я распорядился сдать документы и награды Кости Ярцева в соответствующий отдел штадива. И вот, когда Николай Иванович развернул клеенчатый пакет, чтобы составить опись его, то нашел в пакете, кроме документов, неотправленное письмо Ярцева, адресованное матери. В нем он писал:

«Софье Александровне Ярцевой. Дорогая мамочка! Как ни старался я, но после начала Отечественной войны не нашел ни тебя, ни папу.

Адресую тебе, потому что знаю, в отличие от тебя, папа обязательно должен воевать, а потому подвергаться большому риску со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Словом, я рассчитываю, что это письмо попадет к тебе. Правда, его могут отослать только в случае моей гибели.

Мамочка! Я воюю, начиная с июля 1941 года. Видал и пережил все. Отступление, окружение, разбитые города, пылающие села, гибель ни в чем не повинных детей, женщин, стариков...

Я разведчик, и потому мне положено первому встречать смертельную опасность с тем, чтобы предотвратить ее для идущих сзади.

Дорогая мамочка! Ты всегда верила мне, поверь и сейчас: ты никогда не покраснеешь за меня! Я, как и

мои боевые товарищи, делал и делаю все для нашей победы. И потому, если за эту победу мне суждено умереть в бою, я достойно умру.

Да здравствует жизнь! Да здравствует моя мирная цветущая Советская Родина!

Твой горячо любящий сын Костя Ярцев».

С тех пор прошло много лет, но я так ничего не узнал о судьбе Кости Ярцева. И письмо, написанное им своей матери, из-за незнания ее адреса так и не было отправлено. А втайне грезится мне: вдруг Костя жив?

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Эпизод первый	6
Эпизод второй	8
Эпизод третий	18
Эпизод четвертый	26
Эпизод пятый	36
Эпизод шестой	44
Эпизод седьмой	50
Эпизод восьмой	66
Эпизод девятый	76
Эпизод десятый	81
Эпизод одиннадцатый и последний	98

30 коп.

Шеболдаев Кир Дмитриевич родился в 1913 году в селе Верхняя Сыроватка Сумской области. С четырнадцати лет он работал саночником и забойщиком в шахте, грузчиком в порту, рабочим на стройке, кочегаром на судах торгового морского флота. Одновременно учился на рабфаке, заочно окончил институт Политпросветработы, был направлен на Камчатку, где стал работать заместителем заведующего облоно.

Участник Великой Отечественной войны, воевал на Северо-Западном, Волховском, Ленинградском, 3-м Белорусском и 3-м Прибалтийском фронтах в должности командира взвода, роты автоматчиков, десантников, войсковых разведчиков. Трижды ранен. Имеет награды.

Автор книг «Верный» (1964), «Своя земля» (1969), «Старый маяк» (1971), повести «Ночной десант».

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ